ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 41 (2424) Суббота, 22 мая 1948 г. Цена 40 коп.

Пора заняться вопросами эстетики

В своем выступлении на философской дискуссии тов. А. А. Жданов призывал наши научные творческие кадры «смелее двигать вперед... этику и эстетику».

С тех пор прошел почти год, а состояние разработки эстетики — науки о сущности, законах и формах искусства — продолжает оставаться совершенно неудовлетворительным. Несмотря на чрезвычайную актуальность для советского искусства и литературоведения этих вопросов, за последние годы не было создано ни одной посвященной им книги, ни одного обобщающего исследования. Судя по планам научно-исследовательских институтов, их не предвидится и в ближайшее время. Обобщающих работ о стилях советской архитектуры, музыки, живописи вообще нет. Не разработана эстетика современного кинематографа и радиотеатра.

О систематической подготовке новых кадров теоретиков искусства не приходится и говорить, ибо эстетика не заняла должного места в учебных планах философских и филологических факультетов. Она преподается кое-где, как факультативная дисциплина. Ни утвержденных программ, ни учебных пособий по этому предмету нет. Студенчеству не прививают интереса к теоретическим проблемам литературы и искусства. Ученые, в течение длительного периода занимавшиеся вопросами эстетики, переключились на разработку иных научных проблем. Из 484 тем, разрабатываемых кафедрами русской литературы (в вузах Министерства просвещения РСФСР), всего лишь 8 связаны с вопросами эстетики, методологии и теории литературы. Не только диссертации, но даже курсовые и дипломные работы на эти темы — редчайшее явление. В средней же школе пока еще и не мечтают о преподавании простейших элементов эстетики. В министерствах просвещения полагают, видимо, что для оканчивающих школу — излишняя роскошь иметь представление о сущности и формах искусства, о законах прекрасного, о категориях красоты. Сведения по теории литературы в программах средней школы сокращены до минимума. На филологических факультетах вузов на чтение этого курса отводится всего лишь... 34 часа!

О слабой разработке эстетических проблем свидетельствует и та путаница, которая существует в определении не только предмета, но и самого материала эстетики.

До сих пор эстетика считается наукой о сущности и общих законах искусства только применительно к музыке и пространственным искусствам. Художественная литература из этого списка обычно исключается: принято думать, что теория литературы и эстетика — совершенно самостоятельные дисциплины. Не случайно, что в существующих ныне учебниках и программах по теории литературы ничего не говорится о категориях эстетики. Между тем, вопросы теории литературы могут успешно разрешаться только в связи с эстетическими проблемами. Отсутствие этой связи — одна из причин слабости нашей литературной критики, ее неумения с достаточной глубиной показать то новое, что вносит в мировое искусство социалистический реализм.

В результате такого отношения к эстетике, несмотря на общий громадный рост художественной культуры и запросов советского народа, все же до сих пор не ликвидировано в искусстве ремесленничество в самом худшем смысле этого слова, все еще имеют место проявления извращения вкусов. Примеров можно привести более чем достаточно. Ведь находят же немалый сбыт вульгарные антихудожественные изделия всяких «изоартелей», где тысячи «закатов солнца» изготовляются по стандарту с конвейерной быстротой. Впрочем, не перевелась еще порода людей, для которых само понятие красоты является чем-то старомодным, подлежащим ликвидации. Совсем недавно некоторые музыкальные критики считали, что дисгармония лучше гармонии, а шумовые эффекты, производимые при посредстве десяти барабанов и тарелок, доставляют куда больше наслаждения, чем мелодичная музыка русских классиков. Ленин еще в начале революции говорил по адресу подобных «ниспровергателей» эстетики:

«Красивое нужно сохранить, взять его как образец, исходить из него, даже если оно «старое». Почему нам нужно отворачиваться от истинно-прекрасного, отказываться от него, как от исходного пункта для дальнейшего развития, только на том основании, что оно «старо»? ...Бессмыслица, сплошная бессмыслица. Здесь — много художественного лицемерия и, конечно, бессознательного почтения к художественной моде, господствующей на Западе».

Как показало постановление ЦК ВКП(б) об опере Мурадели «Великая дружба», эти ленинские слова полностью сохраняют свою актуальность.

Нужно всерьез заняться не только воспитанием эстетического вкуса «потребителей» искусства, но и его творцов.

Если бы в художественных и литературных вузах, в консерваториях, где формируется творческая молодежь, изучение и преподавание марксистско-ленинской эстетики было на высоте, то многие и многие ошибки не имели бы места.

Недопустимо, что еще до сих пор эту науку продолжают трактовать, как какой-то узко-специальный, оторванный от жизни предмет. Великий русский критик Чернышевский писал:

«Если же поэзия, литература, искусство признаются предметом всеобщего внимания и изучения, то и общие вопросы о сущности, значении, влиянии поэзии, литературы, искусства должны иметь огромный интерес, потому что от разрешения их зависит взгляд наш на предмет...»

Эта оценка эстетики приобретает особый смысл теперь, когда искусство и литература стали у нас делом поистине всенародным. Конечно, было время, когда эстетика была занятием «для немногих». Современная буржуазная идеалистическая философия и теперь стремится превратить ее в аристократическую науку о пассивном, созерцательном восприятии прекрасного, в науку о «чистом искусстве». С точки зрения марксизма-ленинизма, эстетика не только об'ясняет закономерности искусства, его роль в познании и изменении действительности, но и влияет на его дальнейшее развитие, указывает пути его совершенствования.

Для великих теоретиков марксизма-ленинизма эстетика всегда была средством активного духовного воздействия на общество, средством формирования передовых направлений в искусстве. Защищая революционные эстетические идеи, Маркс и Энгельс, Ленин и Сталин боролись с идеями реакционными, с теорией «искусство для искусства», с писателями и критиками, отстаивавшими ложные взгляды и мешавшими развитию народного реалистического искусства. Эстетика социалистического реализма, основанная на марксистско-ленинском учении, является теоретической программой развития советского искусства.

В нашем социалистическом государстве развитие эстетики имеет общественно-политическое значение. С ней связаны идейно-художественное воспитание народа, дальнейшее развитие искусства, рост литературоведения и искусствознания. Поэтому партия всегда уделяла и уделяет искусству много внимания.

Суждения классиков марксизма-ленинизма об искусстве могут быть образцом блестящего умения связывать его с современностью. Ленинский принцип партийности литературы, ленинские и сталинские оценки крупнейших писателей прошлого, указания товарища Сталина о национальной по форме и социалистической по содержанию культуре, о социалистическом реализме, о народности искусства и роли наших писателей, как «инженеров человеческих душ», дают теоретическую основу для правильного понимания классического наследия и перспектив развития советского искусства.

Следовательно, причины отставания в разработке эстетики имеют суб'ективный характер и коренятся в нерешительности наших теоретических кадров, в отсутствии организованной и планомерной работы в этом направлении.

В разработке вопросов эстетики, несомненно, должен наступить решительный перелом. Первоочередными мерами представляются следующие:

Министерству высшего образования СССР и министерствам просвещения следует ввести обязательный курс эстетики на всех филологических факультетах и в художественных вузах. Следует значительно увеличить об'ем преподавания теории литературы. Элементарные сведения по эстетике должны быть введены в программу старших классов средних школ.

Нужно немедленно взяться за создание учебников по истории эстетических учений и основам марксистско-ленинской эстетики.

Для активизации работы в области теории искусства и теории литературы необходимо создать соответствующие кафедры на философских и филологических факультетах — на первых порах, хотя бы Ленинградского и Московского университетов. Одновременно следует начать подготовку аспирантов по этим дисциплинам.

Президиуму Академии наук СССР следовало бы создать секторы теории литературы в Московском и Ленинградском институтах литературы.

Наша пресса и Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний должны вести систематическую пропаганду советской эстетики.

Только при осуществлении широкого круга мероприятий эстетика займет у нас то место, которое ей по праву принадлежит в социалистическом обществе.

Проф. Б. МЕЙЛАХ,
лауреат Сталинской премии.

К столетию со дня смерти В. Г. Белинского

Памяти великого критика

К столетию со дня смерти В. Г. Белинского в Ленинграде откроется ряд выставок, посвященных великому русскому критику. В квартире-музее Некрасова (филиал музея Института литературы Академии наук СССР) создается большая общегородская выставка.

Выставку многочисленных сочинений Белинского, а также книг и материалов о его творчестве готовит Государственная публичная библиотека имени Салтыкова-Щедрина. Русский музей выставит произведения, связанные с высказываниями Белинского об изобразительном искусстве.

**

7 июня в Ленинграде состоится закладка памятника великому критику, революционеру и публицисту. В доме по Невскому проспекту, в котором жил В. Г. Белинский, устанавливается мемориальная доска.

**

Почти полвека назад, в 1899 году, в Екатеринбурге по инициативе передовой интеллигенции была открыта общедоступная библиотека, которой присвоено имя В. Г. Белинского. Основу ее книжного фонда составляли пожертвования частных лиц.

Сейчас Свердловская государственная публичная библиотека имени Белинского располагает полумиллионом томов и является крупнейшим книгохранилищем Урала.

В связи с исполняющимся 100-летием со дня смерти В. Г. Белинского Свердловская государственная публичная библиотека выпустила справочник о жизни и творчестве великого критика. Организуется выставка его произведений.

**

Для популяризации литературного наследства великого русского критика, революционера и демократа В. Г. Белинского издательство Книжной палаты Украинской ССР выпустило библиографический сборник. В сборник вошли высказывания о Белинском В. И. Ленина и И. В. Сталина, тт. Жданова, Калинина, Кирова, Максима Горького, русских писателей XIX века. Сюда включены также перечень основных изданий произведений Белинского, списки литературы о жизни и творческом пути великого критика.

Алексей ЮГОВ

СЕЛЬСКИЙ ВРАЧ

Очерк

— Нет, нет, Марья Федоровна, и не проси! Ты из-за этих своих бань, колодцев, всякой этой вашей профилактики уж ничего, буквально, в своем колхозе видеть не стала! А еще звеньевая, стахановка! Откуда я тебе человека оторву? Ты смотри: посевная-то, вот она!

Однако старая колхозница и не думает уходить.

— Ну, умоляю тебя, Федорова! — жалобно говорит он и прикладывает руку к груди. — Умоляю: ну, не стой ты у меня над душой. Ты ж мне дыханье парализуешь!

Саркастически поджав тонкие губы, старейший санитарный уполномоченный (по своей общественной работе) и одна из лучших стахановок колхоза Пехлец Кораблинского района, Рязанской области, Мария Федоровна Федорова неторопливо извлекает из кармана свою неразлучную табакерку и принимается бережненько, щепотью внюхивать табачок то в одну, то в другую половину очень тонкого, почти просвечивающего против солнца, с большою горбиною носа.

Председатель с демонстративной тоской смотрит в голубое, многооб'емное, светлоблистающее небо большой рязанской весны — весны невз'яснимо прекрасной, срединно-русской весны, с ее многоверстными, сверкающими солнечной рябью разливами лощин; с зеленями на отлогих холмах; с радушным гомоном грачиного черного веча на еще голых ветвях; с ярким, щедрым весенним солнцем и, наконец, с таким радостным, ярым и хлопотливым рокотом и похлопываньем за околицей тракторов, во след которым неотступно и упоенно, словно атакующая пехота под прикрытием своих танков, несутся, нарочно спотыкаясь и валясь в борозды, звонкоорущие, светлоголовые ребятишки в цветных рубахах.

Внезапно из-под белой, пухлой кромки облака черным, четким остроугольником прорезывается запоздалый косяк каких-то больших весенних птиц-возвращенцев — гуси, повидимому.

— Ты вот что, председатель, — язвительно щурясь, произносит неумолимая санактивистка, — ты не на того журавля смотри, который в небе, а на того, которым воду из колодца достают!.. Когда исправишь? Ты смотри: опять каждая хозяйка со своим ведром — в общественный колодец... Загрязнят, инфекцию занесут!

— Ты мне лекций не читай, Федорова.

— Да уж какие от меня лекции — от старухи малограмотной! — обиделась колхозница. — Ты вот сейчас трудодня жалеешь — колодцы почистить, срубы исправить, а как диаррея нападет, да начнет у тебя народ за животы хвататься, да бюллетенить, так полетят твои труддденечки, их, как полетят! И с посевной сядешь!

— У нас на участке с этим благополучно... не сяду!

— Ну, скала-человек! — гневно и насмешливо говорит старуха и, помолчав, добавляет с многозначительной угрозой — угрозой, прибереженной, как видно, на самый крайний случай: — Ну, поиметь тебе беседу с самим Иваном Егорычем!..— И поворачивается уходить.

На лице председателя смятенье чувств:

— Полно, полно, Федорова! — говорит он. — Погоди!.. Ну, до чего ж у тебя характер!

«Санактив» лукаво усмехается:

— Ну, — возражает она. — Какой там у меня характер! Обыкновенный женский!.. А вот у Ивана Егорыча — характер... жуткий!

«Иван Егорыч... поехать к Ивану Егорычу!.. у Ивана Егорыча...» — это имя, и это отчество, без фамилии, без обозначения профессии, — они то и дело произносятся разными устами и по самым различным случаям на пространствах Кораблинского района.

Вот примеры из числа тех, что пришли на память.

...На зазеленевшем бугорке близ дороги беседуют двое: мальчуган лет тринадцати, беловолосый, синеглазый, и тоже светловолосая, худенькая женщина в простеньком пальто, в сапогах. Это — второй секретарь Кораблинского райкома ВКП(б), тов. Другова. Она — в очередном об'езде колхозов перед посевной. Странный разговор между ними:

— Так, Сережа... стало быть, маме твоей полегчало немножко? — Лучше гораздо! — А отец все еще алиментов не шлет? — Ну, как так не шлет! Он теперь аккуратненько, даже и раньше срока присылает! — Вот здорово! Совесть, видно, почувствовал! Это хорошо. — Не совесть, а Иван Егорыч! — усмехнувшись, возражает мальчуган.

...Вот в одном из колхозов заседает правление: брать или не брать во временное пользование кусок земли по соседству, у лесничества?

— Да на что лучше? — предлагает один из стариков. — Спросим Иван Егорыча. Он эту землю, как свою ладонь, знает: у него ж карты есть почвенные всего участка!

И, наконец, еще: служащие одного из предприятий решили в этом году заложить парники. Конечно, можно обратиться и к районному агроному. Однако совсем рядом — Благодатновская сельская больница, больница Ивана Егорыча. А известно, что у него, едва только снег сойдет, а уж больные ранний овощ кушают! И, конечно, Иван Егорыч в своей консультации касательно парников не откажет.

Итак, Иван Егорыч это — врач. И, понятно, он отнюдь агронома подменять не собирается. Но ведь овощи — это **витамины!** Давно замечено, что в тех больницах, где с первых дней весны к столу больных прибавляются ранние овощи, легче протекает целый ряд заболеваний, быстрее поправляются больные.

Также не собирается Иван Егорыч включать в свою сферу и взысканье алиментов. Но уж, извините, если от недостойного «папаши», забывчивого по части алиментов, страдает здоровье одной из многодетных семей, которые все **патронированы** участковой больницей, то уж здесь Иван Егорыч поблажки не даст: на дне моря сыщет!

Не геолог, не почвовед, однако, и впрямь, завел он себе карты и почв, и водонесущих пластов, и заболоченных местностей.

Вот так и выходит, что чего ни коснись в районе, — все, решительно все, по мнению Ивана Егорыча, имеет отношение к работе участкового врача.

«Да что у него — сто рук, сто очей, у этого вашего Ивана Егорыча, если только он всюду поспевает и со всем, как надо, справляется?» — Да, поспевает, да, справляется! А касательно «рук» и «очей», то они и впрямь у благодатновского сельского врача исчисляются сотнями.

Хочется, чтобы в этом очерке к выводам подводило вплотную единственно то, что было увидено, услышано нами на местах, наблюдалось и изучалось. На всем огромном участке Ивана Егорыча нет инфекционных, острозаразных заболеваний.

Как и в прочие вёсны, снова перед выходом бригад в поле в стремительном темпе развертываются предохранительные прививки: акрихинизация населения в болотистых местах, а также лиц, болевших малярией; заливаются нефтью стоячие водоемы; открываются сезонные детские ясли; проверяются санитарные паспорта всех колодцев, источников водоснабжения. И вот именно в эти-то пылающие колхозные дни и становятся особенно бдительными, беспокойными и других «беспокоящими», подвижными и далеко озирающими не только свой колхоз, но и поля, и пашни его, все эти «рабочие пчелы» санитарного актива, который уже несколько лет как раскинут Иваном Егоровичем по всем колхозам и предприятиям Благодатновского врачебного участка.

Это сравнение санактива с пчелами приводит на сессии сельсовета другой знатный ветеран санитарного актива — Александра Дмитриевна Подлупова, «тетя Шура», как привыкли называть ее в районе:

— Мы ведь, как пчелки: от нас никто не отмашется! Мы свое выжужжим! — произносит она с простодушно-хитрой улыбкой, седая, но еще с рыжинкой в волосах румяная женщина, повязанная постаринному платком, и опускает белесые ресницы, чинно складывая свои трудовые руки на коленях.

За всю войну, хотя немец стоял совсем близко, всего в нескольких верстах, хотя тысячи, и тысячи народа перекатывались через земли Кораблинского района, заразные заболевания на участке Благодатновской сельской больницы были все-таки единичными. Инфекцию тушили, затаптывали тотчас же благодаря тому, что великолепной выучки и беззаветного самоотвержения санитарный актив — рядовые колхозницы — тотчас же, немедленно, в условиях надвигающегося фронта, в ночь, в полночь, в распутицу ли, в разлив ли, а случалось и на лодке! — стремились доставить заболевшего в больницу.

— Нет, колхозные наши женщины и во время войны не унижали жизни! — гордо и взволнованно говорит Подлупова. — Конечно, Иван Егорыч тогда был на фронте. Но руководство наше нас тогда не покинуло! Ну и женщины наши, конечно, не дрогнули! Коржавина — доктор, Секачева — старшая сестра и весь наш медицинский персонал — сестры, они и больницу не унизили и от нас руководства своего не отымали.

Мобилизация внутренних ресурсов, как в политико-моральном, так и в материальном отношении, — вот, поистине, верховный принцип, на котором строит всю свою лечебную и здравоохранительную деятельность сельский врач Иван Георгиевич Киселев — тот, что среди многотысячного населения заслужил себе почетное право зваться и быть известным просто по имени и отчеству — Иван Егорыч. Мы попытались показать на примере Благодатновского санактива, какие морально-политические ресурсы нашел он среди колхозников, какие народные силы поднял на службу сельскому здравоохранению. Скажем коротко о внутренних ресурсах материального порядка.

Конечно, Иван Егорыч — не агроном, но разве не заслуживает всяческого подражания то, как поставил он небольшое прибольничное хозяйство? Двенадцать гектаров посева, пять коров, три свиньи, да несколько парников — такое хозяйство, оказывается, может обеспечить шестьдесят человек больных в течение всего года и картофелем, и огурцами, и капустой, и молоком, и дополнительным рационом мяса. В больнице есть свой сепаратор. Для больных изготовляется лечебное ацидофильное молоко. При некоторых расстройствах пищеварения у младенцев полезно пахтанье, — нет затрудненья и в этом! Мало этого! Доходы от небольшого, в сущности, прибольничного хозяйства, при очень скромной помощи облздравотдела, дали возможность внебюджетными средствами произвести капитальный ремонт всей больницы, построить новую кухню, приобрести электростанцию и провести электрический свет во все корпуса больницы. У Ивана Егоровича скоро будет рентген...

Несколько лет тому назад прослышал доктор Киселев, что близ Сапожка есть целебные грязи. Он быстр и оперативен: две полуторатонки высушенной этой грязи, в кою пору заброшенные, дали возможность поставить грязелечение и в Благодатновской сельской больнице: дело ведь только за кипятком, которым надо развести эту целебную грязь.

Физиотерапия едва ли не в большей ее половине — и лучевая, в бальнеотерапевтических процедурах — скоро сможет осуществляться в этой скромной сельской больнице.

Естественно, может возникнуть вопрос: «А что, этот чрезвычайно широкий размах общественной и профилактической деятельности сельского врача, — не может ли он вредно отразиться на собственно-лечебной и хирургической работе? Не будет ли это отвлекать и дисквалифицировать его как терапевта или хирурга?

И опять мне вспомнился случай.

Доктор Киселев — коренастый, смуглый, черноволосый, но уже с сильной проседью человек, в суконной гимнастерке со следами погонов, в полувоенной одежде, стремительный, хотя и несколько угловатый и чуть сутулый — идет, торопясь в аптеку, вдоль липовой аллеи колхозного парка. Навстречу быстро идет высокий человек в пальто, в картузе. Они с доктором радостно приветствуют друг друга.

— Ну, как протез ваш? — спрашивает доктор Киселев.

— О! Чудесно, — ответил тот. — Жизнь узнал! Вы смотрите, как быстро бегаю. Спасибо, Иван Егорыч, спасибо!

— Культя не беспокоит, не болит?

— Нет! А вы представьте, Иван Егорыч, ведь они там узнали вашу работу! Хирург-протезист спрашивает: вам Иван Егорыч ногу ампутировал? — Меня, конечно, как кипятком охлынуло: откуда, думаю, он узнал? — Он, — говорю. — А как вы узнали, доктор? — А я, — говорит, — по шву его узнал: киселевский шов. Шов для хирурга — все равно, что подпись.

Вернемся, однако, к вопросу о том, помехой ли является санитарно-профилактическая деятельность «клиницизму» врача. Одно перечисление хирургических операций, которые производятся сельским врачом Киселевым, заняло бы целую страницу!

Пятнадцать хирургических операций этот сельский врач считает обязательными для всякого сельского врача, ибо они, в большинстве, неотложные:

— Нельзя посылать молодого врача на самостоятельный участок, не научив его делать трахеотомию!.. Ну, представьте: привезли ребенка — подавился пуговицей... Ну?! Хорош я буду, если скажу: «Везите в район!» А ущемленная грыжа? А остановить артериальное кровотечение? А правильно хирургически обработать рану? Да как же так — без этого хирургического «багажа» поехать на участок! — волнуясь, горячась, восклицает Иван Егорыч.

Нет, мы воочию убедились, что «санэпидный профиль» врача отнюдь не противоречит хирургии!

Когда 12 лет тому назад врач Киселев и его жена, тоже врач (как видно, и тогда не страдавшие «колхозобоязнью»), покидали Москву, хорошую квартиру и, конечно, клинику, покидали по своей доброй воле, чтобы получить в заведывание врачебный сельский участок с больничкой на 20 коек, то ехали они с твердым и прекрасным решением: превратить вверенную им больницу в маленькое подобие клиники.

Но едва они успели оглядеться, как в Кораблинском районе произошла вспышка инфекционных заболеваний. Все было сбито в комок! Вместо маленькой клиники получилось одно сплошное инфекционное отделение.

Это послужило хорошим уроком для обоих молодых «клиницистов». Доктору Киселеву стало ясным, что к работе клинициста на селе он должен пробиться напряженным трудом врача санитарного, врача-эпидемиолога, повседневно изучая и оздоровляя весь свой участок.

При неизменной поддержке и руководстве со стороны партийной районной организации, врач Киселев, беспартийный большевик, стал ширить и ширить в народе круг друзей и энтузиастов советского здравоохранения на селе. И произошло, на первый взгляд, чудо: чем больше они с женой отдавали времени санитарной защите вверенного их врачебной опеке многотысячного населения, тем все больше и больше оставалось у них свободного времени и на хирургию, и на терапию, и на совершенствование самих себя и своих помощников.

Теперь инфекционные койки из года в год пустуют в Благодатновской сельской больнице.

...Вот уже несколько лет, как Благодатновская сельская больница Кораблинского района, Рязанской области, является базою второго Московского медицинского института: в Благодатновскую больницу для приобретения врачебного опыта под руководством Ивана Егоровича каждое лето направляются будущие врачи — студенты 5-го курса.

Так, сельский врач, массовик, организатор, хозяйственник, двенадцать лет «сидящий на селе», сделался к тому же воспитателем молодых врачей, оканчивающих медицинский вуз столицы.

Открытие сессии Академии художеств СССР

Вторая сессия общего собрания Академии художеств Союза ССР, открывшаяся в Москве 20 мая, посвящена вопросам художественного образования.

В день открытия сессии с докладом «Задачи Академии художеств СССР в деле художественного образования» выступил президент академии А. М. Герасимов.

Остановившись на постановлении ЦК ВКП(б) об опере Мурадели «Великая дружба», А. Герасимов подчеркнул, что основные положения исторического постановления о музыке имеют прямое отношение и к изобразительному искусству. Отмечая неуклонный рост советской живописи, графики и скульптуры, продолжающих высокие традиции русской классической школы XIX века, докладчик указал на значительные успехи молодых советских художников. Знаменательно, что в числе Сталинских лауреатов 1947 года высокой награды удостоены молодые мастера.

— Однако, — продолжал А. Герасимов, — нам следует постоянно помнить о том вреде, который нанес формализм нашему изобразительному искусству. В художественных школах время от времени все еще имеют место рецидивы формализма, с которыми нам надо неустанно бороться.

— Наша главная задача в воспитании советских художников, — заключил свой доклад А. Герасимов, — не только развивать их мастерство, но и стремиться к углублению их мировоззрения и повышению их идейного уровня.

Темой доклада вице-президента Академии художеств СССР М. Г. Манизера было «Высшее художественное образование в России до 1917 года».

Вчера на сессии были заслушаны доклады о состоянии учебно-методической работы в Институте живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина, в Московском государственном художественном институте и о мерах улучшения учебно-методической работы в учебных заведениях Академии художеств СССР. После докладов развернулись оживленные прения.

В работах сессии, которая продлится до 25 мая, принимают участие действительные члены и члены-корреспонденты Академии художеств СССР, профессора и преподаватели Академий художеств Грузии и Латвии, высших и средних художественных учебных заведений Москвы, Ленинграда, Киева, Харькова, Вильнюса, Тарту и других городов.

Международная выставка творчества женщин

В июне этого года в Париже откроется Международная выставка «Женщина в искусстве и народном творчестве», организуемая Международной демократической федерацией женщин. В выставке примут участие женские демократические организации 25 стран.

Советский зал выставки будет состоять из пяти разделов. Материалы вводного раздела — «Женщины страны социализма» — расскажут о великих достижениях советских женщин, об их роли в науке и культуре, в государственной жизни страны, в защите социалистического Отечества. В серии специальных документов будет показана неустанная забота партии и правительства о женщинах и детях.

Во втором разделе экспонируются лучшие произведения живописи, скульптуры, графики, созданные руками советских женщин.

В разделе «Народное творчество женщин» представлены вышивки, кружево, ковры, гобелены, ткани, художественные лаки Палеха, Федоскина, Холуя, хохломская роспись, резьба по дереву и кости, эмаль, чеканка по металлу, керамические изделия, художественный фарфор и хрусталь, народная игрушка, национальные костюмы.

Четвертый раздел раскрывает творческие достижения советских женщин в области театра, музыки, кино, литературы и архитектуры.

Последние стенды зала посвящены роли советских женщин в борьбе за мир и подлинную демократию против поджигателей войны.

Сады в горах Тянь-Шаня

ПРЖЕВАЛЬСК. (Наш корр.). Изумительная красота Тянь-Шаня не помешала известному русскому географу Семенову-Тян-Шанскому об'явить этот живописный край «самым диким, глухим уголком мира».

В те времена горы Тянь-Шаня были действительно «бесплодной каменной пустыней».

Советские люди смело вступили в единоборство с природой. Несколько лет назад колхозники тяньшаньской горной сельхозартели «Куланак», Куланакского района, Киргизской ССР, заложили опытный фруктовый сад. Труд и наука принесли победу: здесь собираются обильные урожаи яблок, вишен и слив.

По примеру куланакских садоводов колхозники соседних колхозов в этом году высаживают в горах Тянь-Шаня несколько тысяч фруктовых деревьев и ягодных кустарников.

По следам выступлений «Литературной газеты»

«ЗА ЭТО ОТВЕЧАЕТ ЗАВОД»

19 мая 1948 года в «Литературной газете» опубликована статья писателя Владимира Курочкина «За это отвечает завод», в которой освещены серьезные недостатки в трудоустройстве и культурно-бытовом положении молодых рабочих на заводе «Красное Сормово».

Президиум ЦК профсоюза рабочих транспортного машиностроения обязал заводской комитет «Красного Сормова» совместно с представителем Центрального комитета профсоюза немедленно проверить положение молодых рабочих на заводе и принять меры к безусловному устранению отмеченных в статье недостатков.

В настоящее время по этому же вопросу ЦК профсоюза проводит проверку и на Брянском паровозостроительном заводе. Итоги проверки будут обсуждены президиумом Центрального комитета 11 июня 1948 года.

И. о. председателя ЦК профсоюза рабочих транспортного машиностроения

А. ЮШКОВ.

Агния БАРТО

В защиту Оли Петровой

Оле Петровой шесть лет. Ей живется хорошо. С первого взгляда видно, что об этом ребенке заботятся: тщательно подстрижена челочка, выглажено платье. Оля, действительно, живет среди любящих ее людей, которые взяли ее на воспитание. Днем бабушка читает Оле сказки, девочка играет с подругами. Вечером вся семья собирается за чаем, и Оля среди всех равный член этой семьи. Она с воодушевлением сообщает свои нехитрые новости о том, что Гришку сегодня подстригли, а майские жуки, оказывается, спят днем.

Казалось бы, безоблачно идет жизнь этой девочки, ничем не омрачено ее детство.

Но это не так. Оля и не знает, что столько людей заняты сейчас ее судьбой, что материалы и документы «по делу ребенка Петровой» составляют толстую папку.

Эти документы передо мной. Здесь обследования, акты, заключения, письма. Случай довольно редкий! Родной отец девочки Петров В. Д. хочет взять к себе свою дочь Олю, а чужие как будто бы люди горячо, гневно, взволнованно доказывают, что ему нельзя доверить воспитание его дочери.

Вот выдержки из писем:

«Петров — инженер-подполковник в отставке — недостоин называться высоким и дорогим именем—отец. Это моральный урод. С такими уродами должны вести борьбу советские люди», — пишет заместитель директора Дома пионеров Щербаковского района Москвы В. Орлова.

«Считаем, что гр. Петров по своим моральным качествам не может быть отцом девочки. Надо оставить ребенка у тех, кто взял ее на воспитание, чтобы дать возможность ребенку жить и развиваться»,— пишет Вознесенская, заведующая детским садом № 18 (Монино).

Титова Ольга Дмитриевна считает: «Олю нельзя отдавать отцу, потому что Петров не сумел воспитать и своего сына Владимира. Володя, при наличии у отца полной материальной обеспеченности, ходил неряшливый, голодный, приходил к соседям выпрашивать кусок хлеба. Потом перестал просить и начал воровать. Отбывал наказание».

Генерал-майор Воронец пишет: «Знаю Петрова по совместной работе, когда он был в моем подчинении в одном войсковом соединении. Во время войны я встретил семью Петрова, жену и дочь, в том же гарнизоне, живущих в большой нужде, больных, кинутых отцом и мужем, и без его помощи. Я, по мере возможности, оказывал помощь этой семье».

Из актов, опросов, писем, заключений встает перед нами вся история девочки. Маленькая Оля жила со своей матерью Анной Петровой (Казарновской). Отец оставил их. Анна Петрова тяжело болела, подолгу находилась в больнице. Девочку люди устроили в детский сад. Но вечером некому было взять ее, и она оставалась там одна до утра с ночным сторожем. В выходной день ее по очереди брали к себе воспитательницы. Отцу писали из детского сада, из больницы, он не отвечал. Оля никогда не видела отца, но знала дорогу к его даче на станции Загорянская. Они с матерью несколько раз ездили туда, но их не пускали в дом. Новая жена Петрова (четвертая по счету) всегда отвечала, что его нет.

Однажды сотрудницы детского сада товарищи Гаврилюк и Должонкова повезли Олю к отцу. Им удалось вызвать его к калитке. Разговор велся через забор. Женщины сказали ему, что мать Оли умирает в больнице, что детский сад закрывается на ремонт. Петров обещал через несколько дней приехать за девочкой. Не приехал. Оле, стоявшей у калитки, он не сказал ни слова, не пустил ее в дом, не накормил, даже не взглянул на нее.

Мать Оли умерла. Детский сад хотел передать Олю в детский дом, считая, что к отцу обращаться бесполезно, но Олю взяла на воспитание семья Новик-Бам. Семья состоит из двух сестер и их старой матери. Обе сестры — инженеры. Райисполком Щербаковского района Москвы утвердил опеку Новик-Бам над Олей Петровой. У них Оля нашла свой дом. Ее любят, она счастлива. Ее судьба устроилась.

Казалось бы, на этом можно кончить историю Оли. Но передо мной еще один документ из той же самой папки. Это выписка из решения народного суда Щербаковского района. Оказывается, В. Д. Петров подал в суд, потребовал, чтобы ему отдали ребенка. В решении суда говорится: «Суд считает, что иск Петрова подлежит удовлетворению, ибо применение ст. 46 Кодекса законов о браке, семье и опеке не может быть применено к истцу, ибо невыполнение обязанностей родителя не установлено. Не установлено также жестокого обращения истца к ребенку».

Итак, Олю возвращают отцу, ибо жестокое обращение истца-отца не установлено. Судья Дякин не считает жестоким отца, который, зная, что мать девочки в больнице, не берет дочь к себе, безучастно предоставляя заботу о ней чужим людям. «Делайте с ребенком, что хотите, он такой же мой, как и ваш», — заявил Петров сотрудницам детского сада. На суде он сказал следующее: «Я не посещал свою дочь, когда она была с матерью, потому что в таком возрасте ребенок все равно не понимает, кто приходит, отец его или чужой дядя».

На каком же основании все-таки суд решил отдать ребенка такому отцу? Очевидно, потому, что Петров платил алименты. Неужели этого достаточно, чтобы иметь право называться отцом! Да и алименты эти он платил не по собственному желанию, а опять-таки по суду; его заставил сделать это советский закон. Здесь необходимо сказать, что опекуны Оли не берут из банка денег, оставляя их на текущем счету Оли Петровой. Может быть, именно желанием получить обратно эти деньги и не платить впредь алиментов и об'ясняется внезапно проснувшееся отцовское чувство Петрова?

Решение нарсуда было неожиданно для всех, кто тревожится о будущем Оли. Если бы это были равнодушные люди, они бы попросту отошли в сторону, узнав решение суда. Но и Орлова, и Вознесенская, и Воронец, и Покровская, и соседи Петровых Симонова и Трифонова, и сотрудники детского сада и больницы — все они настоящие советские люди, которые считают, что суд должен разобрать дело, исходя в первую очередь из интересов ребенка. Суд не связан формальным правом родителей, он должен оставить ребенка там, где его сумеют воспитать настоящим человеком, а не сделают вором или попрошайкой.

Заведующая Щербаковским отделом народного образования Москвы Пиун и инспектор опеки Черниловская провели тщательнейшее обследование, опросили новых людей, собрали новые материалы. Подана кассационная жалоба. Каждый, кто прочтет эти материалы, увидит в них яркое доказательство любви советских людей к детям.

Судебная коллегия Московского городского суда по гражданским делам определила: «Решение нарсуда отменить, а дело принять к производству для рассмотрения по первой инстанции». Дело Оли Петровой теперь будет разбираться в городском суде.

Я была в новой олиной семье—с волнением ждут там решения суда. Одна из сестер Новик-Бам сказала мне: «Поверьте, если б отец девочки был другим человеком, мы бы отдали ему его дочь, хотя и очень привязались к Оле». Только одна Оля весела и беззаботна. Это талантливая, живая девочка. Она хорошо танцует, читает наизусть стихи Некрасова, мечтает о том, как будет учиться в школе.

Оле и в голову не приходит, что ее жизнь снова может измениться, что ее могут отдать «отцу» — отвратительному человеку с ледяной душой. Моральным уродом называют его честные советские люди. Есть такая поговорка: в семье не без урода. Но в нашей советской семье их быть не должно.

Удивительно, как могли сослуживцы Петрова мириться с тем, что он бессердечно отвернулся от собственного ребенка,— этим он запятнал офицерскую честь. Неужели партийная организация, в которой состоит на учете Петров, не знала и не знает, что его поведение противоречит понятию советского человека о семье. Воспитание ребенка — высокое, ответственное и государственное дело.

Оля будет жить счастливо. Мы не сомневаемся, что Московский городской суд, отменивший формальное, бездушное решение судьи Дякина, справедливо определит судьбу девочки. Оля может быть спокойна. Она живет в советской стране.

Советские люди

СПРАВКА ИЗ РАЙИСПОЛКОМА

Мать погибшего в бою лейтенанта-танкиста Сергея Иванова получила из Ровнянского исполкома, что на Кировоградщине, официальную справку о том, что могила ее сына находится в сельском парке. В конверте, кроме официальной справки, оказались засушенные цветы и записка:

«Уважаемая Ольга Константиновна.

Ваш сын Иванов Сергей Сергеевич похоронен в Ровном, в парке. На могиле поставлен памятник, девушки-комсомолки посадили цветы. Посылаю Вам цветы с его могилы. Если найдете возможным навестить могилу сына, то прошу Вас без стеснения заехать ко мне. Я здесь работаю в исполкоме».

С тех пор завязалась переписка Ольги Константиновны Ивановой с ровнянцами. Ей пишут колхозники и пионеры, учителя, демобилизованные воины. Все письма одинаково дороги матери погибшего воина, но особенно — первое, с двумя засушенными цветами, присланными сердечной советской женщиной.

Эту женщину зовут — Ольга Филипповна Жернова.

РЕЧЬ КОЛХОЗНИЦЫ АЛЕКСАНДРЫ РЫЛОВОЙ, ПРОИЗНЕСЕННАЯ НА КОНФЕРЕНЦИИ «КРАСНОГО КРЕСТА» В ГОРОДЕ ИЖЕВСКЕ

В далеком уголке Удмуртской республики, в колхозе «Сотрудник» Селтинского района, живет престарелая колхозница Александра Александровна Рылова.

Ее заботами в колхозе открыты детские ясли и площадка для дошкольников.

Вначале ясли помещались в сельской школе, но это было неудобно. Тогда Александра Александровна отдала под колхозные ясли свой дом.

15 марта на областной конференции «Красного Креста» в городе Ижевске Александра Рылова произнесла речь:

«Врачи и сестры и все делегаты! Приветствие ко всем!

Прошу заслушать мой доклад о работе, что я проработала в Советском государстве за десять лет.

Ясли у нас в деревне Рожках колхоза «Сотрудник» работают еще только десять лет. А раньше яслей совсем не было. Почему? Да потому, что охотников организовать не находилось.

А я слышу: женщины жалуются, что дети дома сидят безнадзорные. Мне стало очень жаль детей. Собрала собранье и организовала ясли. Меня взяли заведующей. И пришлось поломать свою голову, как сделать эти ясли культурнее всех по всему району.

Сама я еще на курсах не была, много знать не могла. А детям ведь жить — дело серьезное. И нашла я книгу под заглавием: «За здоровую коммунистическую смену». Она мне хорошо помогла. А на второй год прошла курсы. Много было труда организовать хорошо колхозные ясли. Руководители колхозные, бывает, недопонимают чистую гигиену жизня ребенка. А я первым долгом освободила мамашу от своего ребенка, взяла на себя все обеспечение: шитье, стирку — от одеялки до распашонки. Дальше душа болела, как устроить помещенье, озеленить его цветами, украсить портретами, зеркалами, чтобы все блестело и был бы сильный свет от красок с потолков и стен. Это для ребенка очень нужно: сколь бы он ни был мал, а различает все предметы.

Дальше о кроватках: у нас лесопильный завод близко, нашла лесу и мастеров и показала им из книги форму, а выкрасила их сама. Пришлось еще призадуматься, чтобы на каждого ребенка была тарелочка светленькая, ложечки, стаканчик. Много для детей игрушек своим трудом сделала.

Питание детей было от колхоза, и весь персонал подобрала активный. За военное время много трудностей переживали, — в колхозе народу нехватало, так приходилось стирать по ночам и мыть полы по ночам. Тяжелые переживания за детей были в сорок втором году, когда хлеб не уродил. Продала свою швейную машину, спасала детей. А поспел урожай — мне уплатили. Теперь опять питание хорошее: мука, крупа, мясо, картофель, молоко, масло.

Нелегка работа ясельная, нелегка забота ясельная, если будешь работать честно, добросовестно, ни одной минуты нет свободной. А надо еще успеть газету прочитать, да и рассказать колхозникам.

Год рождения моего 1886. Родители мои были крестьяне.

На этом кончаю, за ошибки извините, прошу к лучшему научить...»

По окончании конференции Удмуртский обком партии отправил колхозницу домой на самолете.

Хладнокровное расточительство

Поиски новых видов сырья давно занимают мысль передовых людей бумажной промышленности. Миллионы кубометров древесины потребляют ежегодно наши бумажные комбинаты. Современная технология производства бумаги в основном базируется на древесном сырье. Леса в нашей стране много. Но следует ли из этого, что лес позволительно расходовать даже там, где его можно сэкономить? Уже много лет назад профессор Леонид Петрович Жеребов пришел к выводу, что «единственно правильным путем к дальнейшему развитию нашей бумажной промышленности является использование соломы».

Еще до войны было решено построить три соломенно-целлюлозных завода в южных районах страны. Война помешала строительству. Но вот уже прошло три послевоенных года, и, несмотря на все попытки сдвинуть с мертвой точки проблему экономии древесины с тем, чтобы использовать солому, стена равнодушия стоит на пути важного рационализаторского предложения, сулящего целлюлозно-бумажной промышленности новые возможности роста. Стоит эта стена, несмотря на то, что автором предложения является не кто иной, как... председатель Всесоюзного научного инженерно-технического общества бумажников профессор Л. П. Жеребов. Что же говорить о других изобретениях и рационализаторских предложениях в этой отрасли индустрии, если даже председатель ВНИТО бумажников оказывается бессильным перед стеной косности.

Люди, возражающие проф. Жеребову, говорят порой, что «солома нетранспортабельна». Им резонно отвечают, что солому и не собираются перевозить на дальние расстояния. Большая фабрика, производительностью до пятидесяти тонн целлюлозы в сутки, может быть обеспечена соломой из колхозов и совхозов, расположенных в радиусе 50—60 километров.

Другая группа оппонентов заявляет: «Из соломы нельзя вырабатывать культурные сорта бумаги». И это возражение оказывается вздорным! Еще в 1935 году на фабрике «Герой труда» профессор Жеребов получал именно лучшие сорта бумаги целиком из соломенной целлюлозы.

Как же могло случиться, что абсолютно надежный и более экономичный, чем все существующие, метод получения бумаги из соломы до сих пор не внедрен в производство?

Холодное равнодушие, инертность ряда руководящих работников целлюлозно-бумажной промышленности задерживают реализацию предложения старейшего деятеля этой отрасли индустрии профессора Леонида Петровича Жеребова.

В «Литературной газете» № 22 было помещено письмо кандидата сельскохозяйственных наук тов. Н. Натальина. Автор поставил весьма важный вопрос: почему не используются огромные, неисчерпаемые ресурсы соломы, в частности, рисовой, для производства бумаги?

Мы полагали, что после опубликования письма Министерство целлюлозной и бумажной промышленности откликнется. Но этого не произошло.

Представляется непонятным отношение министра целлюлозной и бумажной промышленности СССР тов. Л. П. Грачева к предложению профессора Л. П. Жеребова. Для министерства отнюдь не секрет, что бумага, сделанная из соломы, заслужила признание во многих странах. Почему же, надеясь, очевидно, на неисчерпаемые запасы древесины в нашей стране, министерство с пренебрежением, которое дорого обходится стране, относится к огромным неиспользованным сельскохозяйственным сырьевым ресурсам, сулящим резкое увеличение выпуска столь нужной нашей Родине бумаги?

Б. ОКТЯБРЬСКИЙ.

Письма в редакцию

Неумное хвастовство из-за океана

Недавно американские радиостанции разразились самодовольной похвальбой на тему «О скорой помощи в Нью-Йорке».

Четверть века я руковожу Московской станцией скорой помощи. Естественно, мне было интересно послушать, как поставлен этот важнейший вид медицинской помощи в крупнейшем городе капиталистического мира.

По мере того, как шла передача, я все больше недоумевал: зачем все это? Зачем они рассказывают об этом на русском языке? Ведь хвалиться перед советским слушателем им буквально нечем!

«Во время войны, — сообщал голос американского диктора, — многие врачи ушли на военную службу. Поэтому больницы стали высылать автомобили скорой помощи со специально обученными для этой цели санитарами и сестрами».

Я подумал, что автор передачи рассказывает об этом, чтобы пожаловаться на нехватку врачей, на трудности, связанные с последствиями войны. Ничего подобного. Рассудку вопреки, он не только считает нормальным этот дикий порядок, но еще и находит в нем «преимущества»:

«Без осмотра врача жертва несчастного случая попадет в больницу скорее. Кроме того, жители Нью-Йорка, которые раньше вызывали иногда скорую помощь по пустякам, теперь стали более осмотрительны».

Я слушал и сразу не мог даже понять, чего больше содержится в этой «беседе» — медицинской безграмотности, глупости или просто цинизма. Ведь каждому известно, что от быстроты оказания медицинской помощи зависит здоровье больного, а иногда — его жизнь. Как бы ни был обучен санитар, врача он никогда не заменит. В иных случаях санитар сумеет наложить повязку, транспортную шину, сделать ин'екцию морфия. Ну, а если скорую помощь вызвали к больному с сердечным припадком или с другим заболеванием, внезапным и серьезным? Чем тут поможет санитар?

Нет, врач в машине скорой помощи стал лишним в США совсем по другой причине: в стране, где из медицины сделали бизнес, человеческая жизнь дешево ценится. Заправилы Америки не хотят тратить доллары на здравоохранение. Это признали и авторы передачи:

«Управление города Нью-Йорка со своей стороны берет на себя издержки в размере 8.000 долларов на каждую автомашину скорой помощи, находящуюся при частном госпитале. Остальную стоимость, выражающуюся в сумме от 4.000 до 8.000 долларов в год, частные больницы берут на себя».

Содержать врача при каждой автомашине американские дельцы от медицины считают для себя невыгодным.

Но, может быть, Нью-Йоркское городское управление обеднело и у него нехватает средств на содержание скорой помощи?

Я не знаком с городским бюджетом Нью-Йорка, но думаю, что это не так. Из той же передачи я узнал, что по Нью-Йорку непрерывно мчатся 1.500 полицейских автомашин, вдобавок существует еще «специальный полицейский отряд скорой помощи» с автомашинами, моторными лодками и самолетами. Этот отряд имеет в своем распоряжении прожекторы, лестницы, топоры, канаты, пилы, радиопередатчики, электрогенераторы и даже кислородные аппараты (очевидно, в обычных «городских» машинах скорой помощи их нет). Я допускаю, что такой отряд может оказать «скорую помощь» какому-нибудь капиталисту от забастовавших рабочих, что он может разогнать демонстрацию прогрессивных американских граждан, но причем здесь, спрашивается, медицина?..

В Советском Союзе дело скорой помощи находится в руках государства и строится по единому плану. При несчастном случае и внезапном тяжелом заболевании выезжает обязательно врач. Большинство врачей, работающих в Москве на станции скорой помощи, имеют стаж свыше 15 лет. Таких — 90 процентов. Со стажем менее 8 лет — нет ни одного. Врачи скорой помощи систематически повышают свою квалификацию, работая по 3—4 месяца (за счет государства) в больницах.

Прежде чем перевезти больного в клинику, ему оказывается квалифицированная помощь на месте. Врач сопровождает его до приемного отделения.

Наш врач скорой помощи не ограничивается медицинским вмешательством, он оказывает моральную поддержку заболевшему или пострадавшему, а также его близким. У нас в СССР привыкли к тому, что по экстренному вызову приезжает не чиновник от медицины, а прежде всего чуткий, отзывчивый человек. Вот почему мы, руководители скорой помощи, часто получаем трогательные письма о поведении нашего персонала.

Есть еще одна обязанность врачей скорой помощи Советского Союза. Она, конечно, не может притти в голову «специально обученным санитарам и медсестрам» в Нью-Йорке. Я имею в виду профилактику несчастных случаев. Наш врач в связи с каждым выездом обязан подумать над тем, что можно сделать, чтобы исключить повторение подобного случая, кому надо об этом сигнализировать и что надо посоветовать. Ибо основной лозунг советской медицины — профилактика.

... Так и отошел я от радиоприемника, размышляя над тем, понимают ли господа из американской радиокорпорации, что они хвастают тем, чего бы следовало стыдиться.

А. ПУЧКОВ,
начальник станции скорой помощи г. Москвы, заслуженный врач РСФСР, доктор медицинских наук.

Забыты труды Д. И. Менделеева

Общеизвестно, что получение сжиженных газов, в частности жидкого воздуха и кислорода, представляет весьма важную главу в летописи современной техники. Столь же известно и то, что исходным теоретическим положением являлось здесь открытие особой «критической температуры», выше которой невозможно сконденсировать газ ни при каком давлении.

Работы Эндрюса о непрерывности газообразного и жидкого состояния вещества являются классическими, их необходимо изучать и популяризировать в соответствующих разделах курса физики.

Но все же не Эндрюсу принадлежит приоритет в характеристике этой особой температуры. За 9 лет до Эндрюса, в 1860 — 1861 гг., наш великий соотечественник Д. И. Менделеев указал в печати («Химический журнал Н. Соколова и А. Энгельгардта», 1860, т. III, 81—97) на существование «абсолютной точки кипения», при которой сцепление в жидкости, поверхностное натяжение и скрытая теплота парообразования равны нулю и невозможно дальнейшее существование жидкости. Тождественность «абсолютной точки кипения» Д. И. Менделеева и «критической температуры» Эндрюса совершенно очевидна.

Эдинбургский университет, присуждая Менделееву степень почетного доктора, ставил на первое место опубликованные им работы по абсолютной точке кипения.

В 1870 г., после появления в свет работ Эндрюса, Менделеев публикует свои «Замечания к исследованиям Эндрюса о сжимаемости углекислоты», в которых, отдавая должную дань трудам английского ученого, подчеркивает тем не менее свой несомненный приоритет в установлении физической сущности понятия критической температуры. Наконец, об этом же достаточно четко написано в знаменитых «Основах химии» Д. И. Менделеева в главе о критической температуре.

Не стоило утруждать читателей этим экскурсом в историю науки, если бы стабильные учебники физики, по которым ныне обучаются десятки тысяч наших студентов, содержали хотя бы краткую ссылку на труды Д. И. Менделеева при рассмотрении вопроса о критической температуре и сжижении газов. К сожалению, имя Менделеева не находит здесь своего упоминания.

Допустимо ли скрывать от нашей молодежи достижения отечественного естествознания?

Этот недостаток необходимо исправить при чтении лекционного курса физики и при дальнейшем выпуске в свет учебников по физике для вузов и втузов.

Проф. Г. РАВИЧ.

А. БОРЩАГОВСКИЙ

С художника спросится!

Эта книга создавалась на протяжении многих лет. Она была юностью писателя. Уже рядом с этой книгой стоят томики новых романов, повестей, рассказов, а спросите у автора, что написано им, и он прежде всего назовет эту книгу.

Она выдержала 14 изданий на украинском языке. Несколько — на узбекском. Эти издания могут заполнить довольно большую книжную полку.

Речь идет о романе Ивана Ле «Роман Межгорья». Он популярен на Украине.

К услугам читателей десятки тысяч томов разного формата и цвета.

По бумаге, по художественному оформлению и шрифтам этих книг можно было бы написать небольшой очерк истории украинской полиграфии за минувшие два десятилетия. Изменились даже некоторые грамматические правила — ничто не оставалось неподвижным, неизменным в эти бурные, богатые событиями и знаменательными историческими сдвигами годы.

И только содержание книги, характеристики героев, стиль и слог романа оставались в девственной неприкосновенности. Рука автора не посягнула даже на грубые ошибки романа. Первое издание, со всеми его погрешностями — идейными и стилистическими — было возведено в канон самим автором, при одобрительном и благосклонном молчании критики. Но и повторенные 14 раз, эти ошибки не могут показаться нам сегодня истиной. Наоборот, — они стали особенно очевидными.

«Роман Межгорья» был отнесен к числу лучших повествовательных произведений украинской советской литературы на первом этапе ее развития. Украинский писатель проявил живой интерес к истории и быту братского узбекского народа. Тем самым он выступал против хуторянско-«изоляционистской» практики буржуазно-националистических писателей. Писатель-коммунист, он пришел к узбекам не в поисках экзотического сюжета. В книге сквозит любовь автора к Советскому Узбекистану, к его людям, к его своеобразному пейзажу. Роман относится к тем временам, когда в Узбекистане успешно проводилась земельно-водная реформа, когда осуществлялась гигантская задача орошения Голодной степи, когда начали вырастать первенцы сталинской пятилетки.

Иван Ле, накопивший большой материал, задался целью: изобразить первые народные стройки Узбекистана, рассказать о быте, в котором черты утверждающегося и побеждающего нового борются с сильными влияниями старины, с пережитками собственнического общества, с силами религиозного мракобесия и полуфеодальной реакции. Он видел свою задачу в гневном осуждении ишанов, имамов (мулл), стремившихся возродить свои былые привилегии, свое жестокое «право» на тела и души паствы, ставшей непокорной; ишанов, входящих в контакт с вредителями, диверсантами, с агентами влиятельной империалистической державы.

В образе инженера-диверсанта Преображенского Иван Ле раскрывает историческую обреченность представителей старой самодержавной России, их бессильную злобу и неизбежность их позорного конца.

Большой интерес читателя вызывают те главы, в которых показано строительство в Голодной степи, орошение земель Узбекистана, рождение индустриальных гигантов.

Иван Ле уделил основное внимание центральной фигуре инженера-коммуниста Саида-Али Мухтарова. Саид проходит в романе сложный и противоречивый путь, завоевывает популярность и любовь трудящихся Советского Узбекистана.

Можно было бы еще рассказывать о добрых намерениях и некоторых удачах Ивана Ле, автора «Романа Межгорья», но интерес и значительность этой книги не только умаляются, но порой и вовсе снижаются из-за крупных идейных и художественных ошибок автора.

«Роман Межгорья» начал печататься в 1928 году, последние части были опубликованы в 1933 году. Молодой писатель не поверил тогда, что тема строительства, конфликты, возникающие в связи с рождением нового в жизни и быте узбекского народа, способны сами по себе увлечь читателя. Так родилась история мучительной любви Саида-Али Мухтарова к жене русского врача Храпкова. Обуреваемый «роковыми страстями», подхлестываемый бешеными толчками крови, Мухтаров, по воле автора, неотступно следует, подобно герою «Амока», за Любовью Прохоровной, соблазняет ее и становится ее любовником. Автору не удается убедить читателя в том, что Саид действительно полюбил Храпкову, что мотивы его поступка благородны. Их отношения развиваются по всем канонам низкопробного колониального романа и реализуются литературно на обескураживающе низком уровне. Как это ни горько признать, но «драма» Мухтарова и Храпковой написана в декадентской и физиологической манере. «Белая женщина», оказавшаяся на Востоке, терзаемая ленью, скукой и неполноценностью мужа, отдавшись порыву, «зову крови», оказывается в об'ятиях «туземца» и, насладившись его молодостью, презрительно отталкивает его от себя, — такова нехитрая «философия» этого конфликта. Иван Ле проявляет последовательный и неотступный интерес к нему. Он заставляет Мухтарова страдать, заставляет, наконец, забраться в дом Храпковой и украсть собственную дочь. «Коммунист и передовой человек» Узбекистана, Мухтаров женится затем с полным соблюдением мусульманского обряда и совершает ряд других малоправдоподобных поступков. И тут уж речь идет не об отставании некоторых бытовых форм от растущего политического сознания человека, а о порочной манере самого автора, пытающегося искусственно соединить правду жизни с бульварщиной.

Не удивительно, что и язык романа там, где речь идет о любви Мухтарова, становится удивительно безвкусным, бульварным.

Настойчивые напоминания автора о какой-то особой «азиатской» крови Мухтарова, о проклятом наследии прошлого, тяготеющем над его поступками, сливаются в романе с шовинистическими, расистскими выпадами и утверждениями отрицательных персонажей. Оскорбительный термин—«сарт»—то и дело появляется на страницах книги, — правда в устах врагов, но то, что и узбеки в романе мучительно переживают какую-то выдуманную расовую, племенную неполноценность, с необычайным рвением вступая в конфликт с «европейцами», как бы сообщает весомость и аргументированность словам врагов. Увлеченный проведением сложной интриги, заинтересованный в максимальной драматизации событий, автор то и дело рисует картины, искажающие сущность национального вопроса, внушает вредную мысль о якобы имевшемся в 20-х годах конфликте между узбеками и русскими.

Этому немало способствует и то, что большая часть русских в романе — это враги или обыватели. Передовые представители русского народа меньше удались автору, хотя в самом романе, в его наличном материале есть все возможности развить и показать во весь рост именно этих людей.

Странно и непростительно, что в течение минувших десятилетий автору не пришла в голову мысль очистить роман от грязных напластований, от засилия случайных деталей и поверхностных наблюдений, чтобы лучше стали видны достоинства, скрытые в произведении. Это говорит о притуплении чувства гражданской, творческой ответственности.

Главы, посвященные соблазнам «восточной любви», читаются со все возрастающим чувством неловкости и стыда, отдельные куски, развивающие обывательское противопоставление «азиатов» «европейцам», вызывают активный протест. А то, что казалось автору скучным, что когда-то, на его взгляд, нуждалось в беллетристических приправах и любовном гашише, — выжило, выросло и по-настоящему захватило читателя.

Почему же автор не хочет помочь читателю? Почему он умыл руки? Почему он отвечает неблагодарностью на внимание читателей, выразившееся в четырнадцатикратном издании романа?

Мы не зовем художника к лакировке. Никто не хочет, чтобы он сегодня, когда конфликты двадцатых годов сняты жизнью, уверял нас в том, что их вовсе не было. Речь идет о другом. Дистанция времени позволяет нам глубже вникнуть в самую суть минувших событий, отличить типическое от случайного, существенное от наносного; яснее показать закордонные связи вредителей тех лет; дать более выразительные портреты героев-строителей, творцов новой жизни.

Художник, книге которого выпала продолжительная жизнь, не может равнодушно относиться к ее земным странствиям. Тут важен и общий курс и девиация компаса, чуткого к бурям современности. Это хорошо понимали великие русские писатели, обладавшие чувством ответственности перед народом.

Именно это чувство, глубоко органическое, продиктовало Горькому изменения в классическом романе «Мать», заставило его заново написать «Вассу Железнову». Именно это чувство помогало классикам русской литературы неустанно совершенствовать произведения, пользовавшиеся уже широким признанием.

А ведь никогда еще не было эпохи столь бурной и стремительной, времени столь поучительного, лет столь динамических, активных, обращенных на переустройство мира. В эти дни советский художник, писатель-коммунист не может равнодушно относиться к порокам своих старых книг и, пользуясь благодушием критики, близорукостью издательского аппарата, канонизировать эти пороки, как некую добродетель.

Іван Ле. «Збірка творів». Т. I—II. Роман Міжгір'я. Книга I—II. Державне видавництво художньої літератури. Київ. 1947, стр. 563.

Продолжатели или подражатели

Сергей ЛЬВОВ

Журналы «Новый мир» (№ 3) и «Октябрь» (№ 4) недавно познакомили читателей с двумя новыми поэмами, «Слово о старой учительнице» Сергея Островского и «Тула» Георгия Горностаева—вещи очень разные.

История народной учительницы, воспитавшей несколько поколений детей в глухой сибирской деревне, таково содержание поэмы С. Островового. О славном подвиге города Тулы в дни Великой Отечественной войны написал свою поэму Г. Горностаев.

Различны не только темы. Различеп поэтический язык этих произведений. Достаточно процитировать по одной строфе из каждой поэмы, чтобы увидеть это:

В серенькой кофточке, в шубке
поношенной,
В старенькой шляпке своей,
Как тебе жить здесь незванной,
непрошенной,
Так далеко от друзей?!

— пишет Сергей Островой.

Внешние особенности некрасовского стиха воспроизведены здесь довольно точно. Это ясно даже неискушенному читателю. Тем не менее поэт предуведомляет в посвящении:

Н. А. Некрасову.

Ты песни пел о доле сиротливой,
Я помню их..., мне их певала мать...
А я хочу о женщине счастливой
Твоим стихом сегодня рассказать.

Над поэмой Г. Горностаева нет посвящения Маяковскому. Однако во всех, даже наугад выбранных строчках ощущается пронизывающее поэму стремление приблизиться к стиху Маяковского:

Кто комсомолом лит и чеканен
и который не комсомолец ныне,
будь таким, как Шура Чекалин,
делай, как он, а не иначе!

Различие поэм С. Островового и Г. Горностаева, между прочим, в том, что первая вполне удовлетворяет «литконсультационным требованиям», т. е. написана без очевидвых нарушений элементарных требований поэтической техники, поэма же Горностаева — раздолье для консультанта!

Зимовать будем в Туле.
Всем остаться!
И развернул им
для ситуацию,

— пишет Г. Горностаев, не замечая в погоне за ассонансами поразительного косноязычия этих строк.

«...по мере того, как из квартир и заводов»,—читаем мы в другом месте. Здесь канцелярским «по мере того, как...» испорчен неплохой в целом кусок—картина организации пролетарских рот. «Старая злюка Гудериан»,— неуместно применяет он выражение из детского языка к матерому гитлеровскому бандиту.

К сожалению, таких замечаний по поэме Г. Горностаева можно сделать десятки. Зато к поэме С. Островового с этой точки зрения не придерешься — все гладко!

Таковы первые признаки различия между этими двумя произведениями. Что же дает нам право говорить о них вместе? Есть ли в них какие-нибудь черты сходства? Да, есть. У каждого из них есть образец. С. Островой следует Некрасову, Г. Горностаев — Маяковскому. Но на этом их сходство кончается. Ибо не столь различны образцы (традиции Некрасова и Маяковского закономерно сопоставлять, а не противопоставлять), сколь различны те пути, по которым оба поэта стремятся приблизиться к своим учителям.

С. Островой идет путем подражателя. Это легко, и внешняя имитация особенностей некрасовского стиха ему удается.

И в начале, изображая глухую сибирскую деревушку, в которую сослана учительница, и в конце, показывая советскую колхозную деревню, С. Островой сохраняет одну и ту же исполненную тоски интонацию. Отсутствию каких бы то ни было изменений в интонации соответствует и полная монотонность словаря. Признаком новой жизни в произведении является колхозный сторож, стучащий колотушкой. Несоответствие эпитета «колхозный» всему строю вневременных строк поэмы очевидно.

С. Островой пишет:

Ты песни пел о доле сиротливой...
. . . .
А я хочу о женщине счастливой
Твоим стихом сегодня рассказать.

Поэтическая форма не есть что-то внешнее, случайное, произвольное. Так можно ли описывать судьбу счастливой женщины рыдающим стихом, созданным для того, чтобы петь о доле сиротливой? Очевидно, нельзя. Так отвечал на этот вопрос и сам Некрасов.

О время, время новое!
Ты тоже в песне скажешься,

— писал он в поэме «Кому на Руси жить хорошо».

Как же получилось, что С. Островой не заметил полного несоответствия содержания и формы своей поэмы? Поэтическая форма песен о доле сиротливой была подсказана Некрасову не литературными соображениями, а самой действительностью:

...Родную—хором грянули,
Протяжную, печальную—
Иных покамест нет.

С. Островой учится у Некрасова не классическому соответствию народности содержания и народности формы, а лишь отдельным признакам некрасовского стиля. Он не ищет в народной действительности и народном искусстве, как искал Некрасов, а берет готовое у Некрасова! Читаешь его поэму, и все время чувствуешь, как тонка та грань, на которой балансируют его строфы между цитатой и пародией.

К тому же С. Островой не видит всего многообразия творчества Некрасова, которое, разумеется, не исчерпывалось песнями о доле сиротливой. Там, где Некрасов воспевал душевную твердость, неиссякаемый оптимизм русского народа, наконец, там, где он говорил о его будущем — там и стихи его звучали по-иному. Изображая счастливое настоящее советской деревни и стремясь следовать традиции Некрасова, нельзя было, разумеется, проходить мимо этой линии его творчества. Уместно вспомнить здесь поэму Н. Грибачева «Колхоз «Большевик».

Бесспорно, что образцом для изображения крестьянки поэту послужил тоже Некрасов. Но здесь сходство рождено не простой имитацией. Поэтическая характеристика советской колхозницы, например, продолжает поэтическую характеристику некрасовской крестьянки, потому что советская женщина унаследовала лучшие черты гордой и мужественной русской женщины, воспетой Некрасовым.

Но дело не только в том, что Островой последовательно имитирует поэтический язык, который был создан для изображения иной эпохи, иных людей, иных отношений. Дело и в содержании поэмы. Когда Некрасов создавал свои образы русских женщин, то в каждой из них показывал не только типичные, но и индивидуальные конкретные черты. Островой же изображает не увиденную им в действительности живую героиню, а рифмует самые поверхностные ассоциации, которые возникнут в уме каждого при словах «старая сельская учительница». Для того, чтобы представить себе героиню поэмы Островового, надо мысленно воспроизвести кадры фильма «Сельская учительница». Но вряд ли поэт ставил себе задачей написать краткое стихотворное либретто к известному фильму.

Вспоминается, как Михоэлс на замечание о том, что надо учиться у Художественного театра, сказал, что у Художественного театра учиться, конечно, надо, но и МХАТ ведь учится у жизни. «Получается так: МХАТ учится у жизни, а мы все учимся у МХАТ, мы оказываемся у жизни в племянниках. А, может быть, я сам могу учиться у жизни». Следуя сюжетно за фильмом, стилистически за Некрасовым, С. Островой оказывается в двоюродных племянниках у жизни. И поэтому, несмотря на простоту языка, на милое всем нам с детства привычное некрасовское звучание стиха, поэма Островового оставляет читателя глубоко равнодушным. Это не традиция, а подражание, не самостоятельное художественное произведение, а копия.

Путем продолжателя, нам кажется, пытается итти Г. Горностаев. Это очень трудно, и молодой поэт часто терпит поражение. Но это — честное поражение.

Немецкие самолеты бомбят Тулу. Враг у ворот. Тульские пролетарии берутся за оружие. Оружейники становятся солдатами.

Они ли не знают в оружии толк!
Привычно, ловко, уверенно
затвором — лязг!
курком — щелк! —
и винтовка проверена.
Придирчивый глаз на винтовки остря,
вдруг удивились от всей души:
— А ведь вправду говорят, что мы
мастера,
винтовки-то наши и впрямь хороши!

Поэт показывает читателю роты тульских пролетариев, работу цехов оружейного завода, первого пленного немца на улицах Тулы, хлебозавод, выпекающий хлеб для фронта, артель, где шьют шинели. В этих описаниях много неровного: легко найти здесь неудавшиеся рифмы-каламбуры, почти цитатные куски. Но не это главное. Ритм, рифмы, весь поэтический строй поэмы задан не простым подражанием Маяковскому. Г. Горностаев стремится изобразить реальных героев обороны Тулы, называя их действительными именами, показывая всю конкретность их подвигов. Он заставляет говорить самих героев. Стремясь передать их речь, он и приходит к поэтической форме, близкой Маяковскому.

Не только живой разговорной, но и живой ораторской интонации учится Горностаев у Маяковского.

Близость к Маяковскому здесь, разумеется, не близость мастера к мастеру, это близость ученика к учителю. Но и это хорошо. Школа Маяковского—отличная школа, а Г. Горностаев понимает, что мало только клясться именем учителя—надо стремиться итти его путем.

Вот несколько строк о бессмертии Александра Чекалина:

...С тех пор,
вездесущий,
сквозь лунную дымку,
средь белого дня
и в любую погоду,
ходил он
мстителем-невидимкой,
неуловимкой
на битву-охоту.
Взлетали кафе с генералами вместе,
вагоны вертелись волчками,
и всюду, как символ ликующей мести,
два слова сигнальные:
— Сделал Чекалин!

Жизнью, темой, образом героя, подвигом определена поэтическая форма этих строк. Путем учителя идет еще неопытный ученик. Нагляднее всего его неопытность проявляется там, где он изображает перелом в сражении за Тулу. Не умея показать подлинной сложности сражения, где Советская Армия с ее могучей техникой вместе с вооруженными пролетариями Тулы нанесла поражение танковым полчищам фашистов, Горностаев дает поверхностное описание атак, отводя штыку и клинку роль, которую они играли в дни гражданской, а не в дни Отечественной войны. Там, где поэту нехватает настоящего понимания событий, там появляется формальное подражание учителю.

Рублен шашек ливнями,
по ягодицам дран,
покатился ливерной
Фон Гудериан!

Но в целом путь, избранный поэтом, путь учебы у Маяковского — правилен. Мы заранее предвидим вопрос: значит, чтобы учиться у Маяковского, нужно учиться и его поэтической технике? Обычно принято утверждать, что можно учиться у Маяковского и писать при этом традиционные по форме стихи. Бесспорно, можно. Но мы думаем, что поэтическая форма Маяковского отнюдь не что-то случайное. Она не является также чем-то вчерашним, преодоленным для советской поэзии, как не является для нас устаревшей поэтическая форма Некрасова.

Не случайно Некрасов и Маяковский поставлены здесь рядом. Ведь не в ломаной строке Маяковского, не в ассонансах, не в рифмах-каламбурах суть поэтической формы Маяковского. Ее главная и решающая особенность — демократизм, народность поэтического языка, близость к живой речи, отражающая близость поэзии к народу. В этом Маяковский сродни Некрасову. Этому и должны учиться поэты у Маяковского и у Некрасова. Клясться же их именем и писать традиционные стихи, далекие от живой речи, значит практически отрицать единство формы и содержания.

Итак, сравнение двух новых поэм при всей их противоположности — закономерно. Один из поэтов — несравненно более опытный — идет от литературного образца, к тому же одностороние понятого. Другой, несравненно менее опытный, от темы — народ в борьбе — закономерно приходит к опыту величайшего певца этой темы — Маяковского. Он учится у Маяковского.

Различие этих двух поэм — различие подражательства и продолжательства. Пусть подражатель пишет гладко и уверенно, продолжатель — неумело, с ошибками, со срывами. Нельзя восхищаться копией. Но можно радоваться поискам молодого поэта, там, где направление этих поисков подсказано нашей жизнью.

В СОЮЗЕ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

«МОСКОВСКИЙ ХАРАКТЕР»

Недавно в Центральном доме литераторов в комиссии по драматургии обсуждалась новая пьеса А. Софронова «Московский характер», принятая к постановке Государственным Малым театром.

После чтения автором пьесы выступил А. Первенцев, отметивший своеобразие драматургии А. Софронова: его пьесы пронизаны пафосом борьбы и созидания. А. Софронов выбрал трудный и сложный путь драматургии характеров. Пьеса о москвичах будет интересной для всех граждан Советского Союза. Это новая удача драматурга. А. Первенцев отметил некоторые длинноты пьесы, излишне обнаженные авторские выводы.

А. Крон полагает, что пьесу А. Софронова нужно было бы назвать комедией. Она имеет на это право. Эту же мысль выразил драматург А. Файко, оценивший пьесу как интересную, мажорную комедию, таящую большие сценические возможности, не лишенную, однако, недостатков. К ним А. Файко отнес несколько замедленный темп действия.

Н. Благин не нашел в «Московском характере» ни конфликта, ни характеров.

А. Козин возразил Н. Благину, что в пьесе, построенной на материале жизни простых советских людей, естественно, отсутствуют конфликтующие «злодей» и «герой», присущие, например, драматургии первых лет революции. В пьесе нет абсолютно отрицательных образов; ее конфликт складывается из противоречий между чувством нового, свойственного советскому человеку, и отсталостью взглядов, еще дающей себя знать у иных людей.

На обсуждении выступили также И. Чичеров, О. Леонидов, Н. Реут. Автор пьесы А. Софронов поблагодарил собравшихся за дружеские советы и об'ективную критику.

НОВЫЕ СТИХИ А. КРОНГАУЗА и В. ТУШНОВОЙ

Секция поэзии ССП СССР обсудила новые стихи Анисима Кронгауза и Вероники Тушновой.

Первая книга стихов А. Кронгауза «Эшелоны» вышла в 1943 году. После этого сборника у поэта были творческие неудачи. В новых стихах, которые А. Кронгауз прочитал на обсуждении, преодолены многие недостатки, присущие его произведениям в последние годы.

К. Мурзиди, В. Журавлев, В. Замятин основной недостаток творчества А. Кронгауза видят в неясности темы. С этим не согласились Сергей Васильев и Евгений Долматовский, считающие, что тема Кронгауза — тема труда.

Однако они предостерегали поэта от чрезмерной ровности и гладкости стиха, советовали не успокаиваться на достигнутом, работать над формой.

Отрывки из новой книги, посвященной труженикам пятилетки, читала Вероника Тушнова. Все выступавшие — С. Васильев, М. Дудин, С. Гудзенко, К. Мурзиди, Г. Левин, П. Железнов, Я. Черняк и другие единодушно оценили новую книгу В. Тушновой, как серьезную творческую работу, но отметили, что В. Тушнова страдает некоторым пристрастием к «красивости», пышному орнаменту, риторике. Поэтесса подчас рассказывает о виденном с позиций туриста, странника, а не хозяина, участника событий.

ВЕЧЕР МОЛОДЫХ СЦЕНАРИСТОВ

Комиссия по кинодраматургии Союза писателей организовала вечер молодых сценаристов, на котором студенты Государственного института кинематографии встретились с видными мастерами советского кино.

На лучших сценариях — дипломных работах этого года подробно остановились Л. Арнштам, И. Вайсфельд, Д. Еремин, О. Леонидов, В. Туркин. Выступавшие Е. Габрилович, В. Юнаковский, Х. Херсонский подчеркнули, что большинство сценариев выпускников ГИК посвящено важным темам современности. Так, сценарий В. Капитановского «Доверие» рассказывает о директоре крупнейшего металлургического завода. К. Славин в своем сценарии «Вторая жизнь» рисует восстановление разрушенного немцами животноводческого хозяйства. Прототипом главной героини сценария О. Бобылевой «Ткачиха» является знатная стахановка Мария Волкова.

На вечере были заслушаны отрывки из сценариев О. Бобылевой, В. Капитановского, К. Славина, З. Тыкшеева, Л. Шмугляковой.

И. КОЗЛОВ

Духовная красота советского человека

Всему миру памятна героическая двухсотпятидесятидневная оборона Севастополя — славная страница незабываемой летописи Отечественной войны. Но история города-героя была бы неполной без картины той борьбы, которую продолжали севастопольцы в дни оккупации.

Свою первую книгу «В Крымском подполье» я посвятил героическим подвигам симферопольского подполья. В своей будущей книге я хочу рассказать о мужестве подпольщиков Севастополя.

С первых же дней оккупации Севастополя в городе начали возникать небольшие подпольные группы. Одну из таких групп организовал в доке коммунист инженер Павел Сильников. Вскоре стало известно о такой же группе в лагере советских военнопленных. Ею руководил бывший работник Севастопольского горкома партии Николай Терещенко.

Старшина Краснознаменного артиллерийского полка Василий Ревякин выпустил под новый год антифашистскую листовку-карикатуру. Это было началом деятельности новой группы. Вместе с Ревякиным работала подпольщица Лида Нефедова, его жена.

В начале 1943 года все эти группы, по инициативе Василия Ревякина, слились в единую подпольную организацию. Был выработан устав «Коммунистической подпольной организации в тылу немцев».

Подпольщики взялись за организацию побегов советских военнопленных из фашистских лагерей.

В этих лагерях парил жестокий режим. Военнопленные тщательно охранялись гестаповцами. И все же подпольщики сумели устроить несколько крупных побегов пленных солдат и матросов. Около 100 человек было спасено ими от верной гибели.

Подпольщики несли в народ правду о борьбе и подвигах Красной Армии. Вначале они выпускали листовки, писанные от руки. Потом — на пишущей машинке. Особенно широко развернулась агитационная работа с выпуском печатной газеты «За Родину».

Каждый выпуск газеты был сопряжен с огромными трудностями и опасностями. Нужно было в строжайшем секрете принять по радио сводку Совинформбюро, достать бумагу. Нехватало шрифтов. Но подпольщики очень дорожили своей газетой и стремились, несмотря ни на что, выпускать ее регулярно в назначенные дни. Они знали, с каким нетерпением и какой радостью встречают севастопольцы каждый номер их маленькой, напечатанной на серой бумаге газеты. Жители находили ее в самых различных местах: на стенах и в под'ездах домов, в инструментальных ящиках в мастерских, в порту.

Подпольщики организовали ряд диверсий. Они собирали также разведывательные данные о расположении немецких воинских частей, об их огневых средствах и, когда была установлена связь с партизанами, передавали по радио эти ценные сведения партизанскому командованию.

Приближались дни освобождения Крыма. Но именно в эти последние дни гестаповцам удалось напасть на след подпольщиков. В середине марта 1944 года почти весь актив организации был арестован. Подпольщики остались верными Родине. Они умерли после страшных пыток, но клятвы своей не нарушили.

Однако организация в целом не была уничтожена. Оставшиеся в живых подпольщики оказали большую помощь частям наступающей Красной Армии при последнем и решительном штурме Севастополя.

Я хочу в своей новой книге запечатлеть прекрасный образ советского человека, его стойкость и мужество, его изумительную душевную красоту, преданность большевистской партии.

П. ПАВЛЕНКО

Новеллы литературоведа

Ираклий Андроников известен, главным образом, как автор устных рассказов, действующими лицами которых являются преимущественно наши писатели-современники. Великолепный, всегда чрезвычайно остроумный язык этих новелл до некоторой степени пародирует изображаемое лицо, создавая, тем не менее, очень живой, близкий к действительности портрет. Композиции И. Андроникова, посвященные писателям, имеют один лишь недостаток — они предполагают обязательное знакомство слушателей с теми лицами, чьи портреты изображаются автором. Это сужает возможности жанра.

Однако у И. Андроникова существуют рассказы и на нелитературные темы, герои которых — обыкновенные люди, для понимания характера которых не требуется личного знакомства. В свое время таких рассказов у него было очень немного, но за войну количество их выросло.

Один или два рассказа из этого «безымянного» жанра мне много лет назад довелось печатать в журнале «30 дней». Рассказы были хорошо приняты, но особых восторгов не вызвали, хотя и принадлежали к лучшим из созданного И. Андрониковым. Показ рассказа со сцены был богаче, разнообразнее. Печать как бы умерщвляла их взволнованность, снижала жизненность и обедняла краски.

Казалось, жанр, созданный И. Андрониковым, предназначен специально для экрана, где с предельною полнотою могли быть проявлены все качества автора-рассказчика, автора-актера. Экран получил своего новеллиста; литература, приходилось констатировать с горечью, теряла его, не умея использовать.

Но вот передо мной книга не устных, а писанных рассказов И. Андроникова, и сразу же необходимо сказать, что это отличные рассказы и что их автор владеет пером не хуже, чем устной речью.

Два рассказа, «Портрет» и «Загадка Н. Ф. И.», об'единенные в одной книжечке библиотеки «Огонька», посвящены литературно-исследовательской теме, и мы с равным правом могли бы счесть их за изящно написанные деловые очерки и за остроумно вымышленные небылицы, если бы автор настойчиво не убеждал нас, что он, собственно говоря, предстал в них лишь в качестве литературоведа. И. Андроников, изучающий жизнь и творчество Лермонтова, написал не исследование и не разыскание, а рассказы о том, как он охотился за портретом Лермонтова, за разгадкой инициалов незнакомки, которой посвящен ряд лермонтовских стихотворений.

Нет нужды в краткой рецензии пересказывать эти рассказы. Я обращаюсь с просьбой прочесть их. Они написаны очень сдержанно, занимательно, фабульно остро и вводят читателя в мир, мало освещенный в литературе, — в мир научного поиска. Невольно хочется сблизить рассказы Андроникова с чудесной книгой академика И. Крачковского «Над арабскими рукописями». И здесь и там — приключения догадок, предположений и гипотез, приключения рукописи или портрета, судьба неразгаданных строк, материал тонкий, умный и — главное — очень редкий в художественной литературе.

Книжка И. Андроникова показывает, что рост ее автора, как художника слова, не ограничился одними возможностями рассказчика и жанром остроумных пародий. Она показывает, что И. Андроников хорошо владеет сюжетом даже в такой сфере, как научное разыскание.

Ираклий Андроников. «Загадка Н. Ф. И.». Библиотека «Огонек», изд-во «Правда», 1948, 63 стр.

И. РЯБОВ

Местная тема в местном альманахе

В седьмой книге альманаха «Литературный Саратов» напечатаны произведения четырнадцати авторов, живущих и работающих в городе Саратове. В прозе и поэзии альманаха встречаются упоминания о Воронеже и Одессе, о Маныческой степи и Урале, о Сицилии, Балтиморе и Огайо. Но тщетно будем мы искать у саратовских прозаиков и поэтов картин Саратова и Саратовской области. Их нет в саратовском альманахе. Только в репродукциях с рисунков местных художников запечатлен город, в котором вышла книжка.

Так же странно выглядит областная марка на обложке пятнадцатой книжки «Литературного Воронежа». На ней следовало бы написать: «Альманах, выходящий в городе Н.». Воронежа в книге не оказалось. Напечатан очерк П. Прудковского о Вильнюсе. Сам по себе очерк хорош, но мы хотели бы рядом с рассказом о литовской столице видеть очерки о Воронеже, Борисоглебске, Липецке. Кому же, как не местным литераторам, писать об этих городах?! Читатель благодарен М. Булавину и О. Кретовой за то, что они своими очерками в шестнадцатом номере альманаха до некоторой степени заполнили пробел в освещении местной темы.

Областной альманах не может жить вне своей области. Он призван отражать лицо области, в которой издается. Он обязан печатать произведения местных авторов. Рассказывая о своем крае, литератор служит большому патриотическому делу познания и изображения родной страны. Любовь к родине начинается у человека с любви к месту его рождения. Это чувство — большое, светлое, плодотворное.

В конце 18-го столетия в Сибири вышел один из первых провинциальных журналов. Он назывался так: «Иртыш, превращающийся в Иппокрену». Плохо, когда редакторы и авторы альманаха, выходящего в Саратове или в Горьком, устремляются с Волги в «Иппокрену»... Они полагают, что, поступая так, выходят за областную околицу и становятся литераторами большого масштаба.

Мамин-Сибиряк писал преимущественно об Урале и гордился тем, что ввел в русскую литературу этот край. Гордость эта отнюдь не говорит о краевой ограниченности певца Урала. Мы благодарны Герцену за его «Былое и думы», за философские работы. Но мы благодарны Герцену и за то, что он, живя одно время во Владимире на Клязьме, написал очерк об этом городе. Мы благодарны и Глебу Успенскому, и Короленко, и Горькому, и многим другим русским литераторам за то, что их книги поведали нам о тех местностях, где довелось жить и работать их славным авторам.

Немало интересного рассказали нам о нашей Родине и советские писатели. Книга Мариэтты Шагинян «По дорогам пятилетки», очерки Анны Караваевой об Урале и Бориса Галина о Донецком бассейне, книга Алексея Карцева «Народ на трассе», рисующая строительство железной дороги в Удмуртии, приняты читателями именно потому, что авторы этих книг, не отвлекаясь от родной почвы, запечатлели конкретные, живые, социалистические черты того или иного края.

Но не только родные места забыты во многих альманахах. Часто нет в них и нашего времени. Векам минувшим нередко отводится больше внимания и места, чем современности. В третьем номере альманаха «Енисей» В. Левашева опубликовала статью «Бронзовый и железный век на юге Красноярского края». Автор повествует: «В степях Хакассии и в правобережных районах Верхнего и Среднего Енисея разбросано много древних могил-курганов. То тут, то там высятся большие каменные столбы, как бы охраняющие курганы». Автор говорит о легендах вокруг могильников. Он ссылается на предания седой старины. Все это весьма почтенно и интересно. Однако желательно, чтобы в красноярском альманахе наряду с памятниками старины были и приметы нашего времени.

Откровенно говоря, при всем нашем уважении к преданиям старины, не они взволновали нас при чтении красноярского сборника. Больше взволновал нас напечатанный в четвертом номере того же «Енисея» очерк И. Устиновича «В дебрях Приангарья». Очеркист рассказал о геологе Медведкове и его проводнике Пичугине, открывших летом 1946 года в Удерейском районе большие залежи железных руд. «Открытие это имеет громаднейшее значение не только для Красноярского края, но и для всей Сибири. В глухой тайге возникает крупнейший металлургический комбинат. Он будет работать на электроэнергии Енисейской гидроэлектростанции. От Сибирской магистрали к новому комбинату проляжет железная дорога, и по ней нескончаемой вереницей побегут поезда, нагруженные чугуном и сталью. На берегах стремительной красавицы Ангары вырастут города и рабочие поселки... Над пустынным Приангарьем занимается заря великого будущего».

Достоинством альманахов «Крым» (Симферополь), «Земля родная» (Пенза), «Дон» (Ростов), «Ярославль», «Алтай» (Барнаул) является то, что они публикуют очерки, посвященные нашим дням, делам наших современников, героев всенародной борьбы за сталинскую пятилетку. Дыханием социалистического века веет на читателя со страниц этих книг. Эти книги выполняют свое главное назначение — живописать современность.

К сожалению, завод, колхоз, советский город и советская деревня, сельская школа и университет в краевом центре, Герои Социалистического Труда и рядовые бойцы великой армии, борющейся за коммунизм, крайне редко появляются в очерке, в публицистике. В шестой книжке «Омского альманаха», вышедшей в 1947 году, напечатаны очерки Г. Фельдмана и Т. Гончаровой. Первый автор пишет о деревне, второй — о заводе. Г. Фельдман сообщает читателю: «Пока у нас, в Омской области, электрифицированные колхозы редки, единичны, а к концу первой послевоенной пятилетки их должно быть более 500». Г. Фельдман был в колхозе «Крестьянин», имеющем электроэнергию. Но вместо яркого и обстоятельного рассказа об этом колхозе очеркист ограничился перечнем цифр и общими фразами тогда, когда он говорит о новом в омской деревне.

Т. Гончарова попросту кокетничает своим неуменьем писать о заводских рабочих. «Нас, корреспондентов, — пишет она, — часто упрекают редакторы, а иногда, наверное, и читатель за то, что мы не умеем показывать опыта передовиков производства. Да и сам подчас пишешь корреспонденцию с завода и чувствуешь, что не раскрыл ты в ней самого главного». Очеркистка проявила свое неуменье увидеть производство и рабочего человека, умно и образно рассказать о них. У слесаря Завьялова она увидела «гармонично слепленные и, очевидно, сильные руки». Токаря Колосова наградила такими комплиментами, что ему, скромному человеку, вероятно, было неприятно читать о себе: «Как сверкают эти полные жизни глаза, как прекрасно лицо тем легко уловимым выражением безудержной и пылкой мечтательности, полета. Кто он? Поэт? Инженер? Оратор? Нет. Это рабочий, один из миллионов, молодой советский рабочий из числа тех, которые как-то незаметно выросли вокруг нас, питаемые живительной и благотворной пищей социалистического сегодня...» Эти преньспренные слова, эта мелодекламация, конечно, не имеют ничего общего с публицистикой.

Не найти черт нашего времени и нашего человека в очерках М. Шошина и Д. Семеновского, опубликованных в восьмой книжке «Ивановского альманаха». Очерк М. Шошина о мастере Точенове мог быть напечатан сорок лет тому назад— ни одного штриха нашего века, ни одного жеста, ни одного слова современника нет в нем. Изображается только технологический процесс, а человек лишь существует при этом процессе. Нет черт нового и в очерке Д. Семеновского «Цветы на ткани». Автор рассказывает о художественной мастерской Большой Ивановской мануфактуры. 77-летний старик, мастер с 62-летним стажем привлек внимание автора. Его воспоминания о былом заполняют очерк, опубликованный в наши дни. О наших днях могла бы рассказать автору заведующая студией.

«До революции трудно было встретить женщину в роли фабричной рисовальщицы»,—замечает автор. И вот он встретил женщину в такой роли, но ни одного слова о ней нет в очерке.

«Вы, молодые люди, не всегда на слово горазды». Так отзывается о своем собеседнике герой очерка К. Коничева «Обыкновенные северяне» в последнем номере архангельского альманаха «Север». Молодому человеку в очерке противопоставлен старик. У старика—жизненный опыт, ум, остроумие, яркий образный язык, жизненная сила, переливающаяся через край, а молодой человек—сосуд скудельный. Стариковская концепция насчет молодых находит свое отражение на страницах архангельского альманаха. Голос молодежи звучит здесь весьма слабо. В первом номере «Литературного Ульяновска», в очерке Ц. Рабинович о селе Вислая Дубрава описываются встречи автора с рыболовом, которому «без малого девяносто лет», с пчеловодом-стариком, с завхозом, тоже глубоким старцем. Молодое поколение села представлено «вихрастым Анатолькой», исполняющим должность курьера в колхозном правлении. В адрес этого представителя молодой гвардии обращены сердитые выражения: «Знай, сверчок, свой шесток» и «Отстань, репей!» Как репей, прилипающий к стариковскому подолу, как сверчок, которому отведен свой шесток, выглядит молодежь в произведениях ряда очеркистов. Это сужение значения нового поколения неизбежно приводит к обеднению нашей современности в альманахах.

Родные края, наше время и наши советские люди должны найти достойное отражение на страницах местных альманахов.

Валентин КАТАЕВ

ЛИЦЕМЕРИЕ

Все честные, простые, миролюбивые люди земного шара, а их, к счастью, на нашей планете подавляющее большинство, на горьком кровавом опыте уже научились, будем надеяться, разбираться в том, кто тащит их в мясорубку новой, третьей всемирной бойни и кто стоит на страже прочного, устойчивого мира между всеми народами земли.

Но поджигатели войны в последние дни подняли такой неистовый шум, напустили такого тумана, внесли такое замешательство в умы, распространили такое количество лжи, клеветы, софизмов, фальшивых клятв и циничных уверений, что настоятельно необходимо внести в дело ясность.

Я не дипломат. Я свободный гражданин Советского Союза, и мне хочется без всяких дипломатических тонкостей сказать все, что я думаю.

Что же, собственно, произошло?

Произошла простая и потрясающая в своей простоте вещь.

4 мая посол Соединенных Штатов Америки посетил нашего министра иностранных дел и сделал ему по поручению своего правительства пространное заявление, суть которого заключается коротко в том, что нынешнее состояние американо-советских отношений является источником серьезного разочарования для американского народа и для правительства США и что дверь всегда остается открытой для исчерпывающего обсуждения и урегулирования разногласий.

На это министр иностранных дел Советского Союза В. М. Молотов, со свойственной советскому политическому деятелю откровенностью и прямотой, ответил, что советское правительство может только приветствовать заявление правительства США, ибо, как известно, оно всегда проводило политику миролюбия и сотрудничества. Эта политика всегда встречала единодушное одобрение и поддержку со стороны народов Советского Союза, и потому правительство СССР и впредь намерено проводить эту политику со всей последовательностью.

Товарищ В. М. Молотов, кроме того, заявил, что советское правительство также выражает надежду на возможность найти средства устранить имеющиеся разногласия и установить между нашими странами хорошие отношения, которые соответствовали бы как интересам наших народов, так и делу упрочения всеобщего мира.

Заявление В. М. Молотова было встречено с огромным удовлетворением всеми, кто искренне и честно заинтересован в укреплении дела мира. Представитель американских прогрессивных кругов и кандидат в президенты от третьей партии Генри Уоллес обратился, как известно, с открытым письмом к товарищу Сталину, которое содержало конкретную программу мирного урегулирования разногласий между СССР и США и, следовательно, явилось не простой декларацией, а весьма важным политическим документом. Именно поэтому товарищ Сталин в своем ответе на письмо г. Уоллеса подчеркнул, что программа, изложенная в этом письме, могла бы послужить хорошей и плодотворной базой для соглашения между СССР и США и для развития международного сотрудничества.

Все последующее поведение руководящих американских кругов является, на мой взгляд, недвусмысленной попыткой отказаться от собственных предложений и прикрыть этот отказ неистовым барабанным боем.

Не успели еще обсохнуть чернила на заявлении Смита, как сам Трумэн, и глазом не моргнув, возвестил миру, что политика США остается неизменной и никакого поворота в отношениях с СССР ожидать не приходится.

Дальнейшие события развертываются во все нарастающем темпе. Правящие круги США все более настойчиво придерживаются позиции, находящейся в полном противоречии с их собственным предложением, переданным через г. Смита.

Больше того, хотя И. В. Сталин в ответе на письмо Уоллеса не обращался официально к правительству США с каким-либо предложением, государственный департамент немедленно счел необходимым все же выступить со специальным заявлением, которое способно вызвать лишь удивление.

Такого рода поспешность я могу об'яснить только тем, что американская дипломатия очень последовательно стремится отмежеваться от любой возможности действительного и мирного урегулирования неразрешенных вопросов.

Так, собственно, для чего же было огород городить? Для чего нужно было ставить в такое, извините за выражение, нелепое положение перед всем миром усердного служаку Смита?

Дело в том, что американские правящие круги, надо им отдать справедливость, все же знают свой народ. Они знают, что в подавляющем большинстве американцы ненавидят войну и хотят мира. Вот почему свою агрессивную политику сегодняшние правители Америки стремятся вести под аккомпанемент всякого рода трескучих фраз о мире, за которыми, судя по всему, нет решительно никаких признаков действительного стремления к миру.

Как тут не вспомнить крылатых слов о том, что некоторым дипломатам язык дан для того, чтобы скрывать свои мысли. А мысли эти, если говорить откровенно, направлены на то, чтобы всячески поддержать «высокую кон'юнктуру» на Уолл-стрите, то-есть разжигать изо всех сил военный психоз и политику авантюр.

Недаром же министр афинской клики убийц и палачей Рентис получил недавно от американской миссии «помощи», возглавляемой Грисуолдом, письмо, в котором последний выражает удовлетворение массовыми расстрелами греческих патриотов, а также тем, что палач Рентис в этом вопросе «не поддался давлению извне». Покровитель и друг палачей греческого народа, «истинный американский демократ» Грисуолд опубликовал и в американской печати письмо, где тоже выражает удовлетворение по поводу мер, принимаемых греческими властями, и заявляет, что эти меры не противоречат американским понятиям о демократии.

Это совершенно чудовищно!

В то время, когда весь мир, все самое лучшее и честное в этом мире протестует против кровавого террора в Греции, господин Грисуолд от имени американской «демократии» одобряет эти убийства.

Я отлично понимаю, что Грисуолд лжет и клевещет на американский народ, который все мы, советские люди, заслуженно уважаем.

Мы помним и знаем, что во всех нынешних осложнениях повинен не американский народ, а его дурные пастыри, люди, находящиеся у власти по признаку обладания миллиардами, некоронованные короли денежного мешка. Мы помним и знаем, что самые трудные международные вопросы решались при правительстве Рузвельта представителями трех великих держав в полном согласии и единодушии. Мы не забыли и того, что именно Франклин Рузвельт, по свидетельству его сына Эллиота Рузвельта, был решительным противником всякого рода антисоветских блоков и с возмущением говорил о том, что «небольшая группа злонамеренных лиц в Лондоне и Вашингтоне стремится возбудить и разжечь воинствующую ненависть к русским...»

Дружеские чувства Рузвельта в отношении Советского Союза были продиктованы реальной, трезвой, умной оценкой всего хода мировых событий. Именно эти чувства пользовались поддержкой огромного большинства американского народа.

Вот почему я уверен, что политика Советского Союза, политика мира, справедливости и правды, найдет путь к сердцам всех простых и честных людей Америки, и дело мира во всем мире восторжествует, несмотря ни на какое двурушничество.

Это — Уолл-стрит, фондовая биржа Нью-Йорка. Об'ектив фотоаппарата запечатлел очередную «банковскую операцию» американской полиции: дюжие полицейские очищают здание от бастующих служащих, избивая их дубинками.

(Фото из мексиканского журнала «Тьемпо»).

Кровь и рекорды

Американская печать постоянно твердит о том, что спорт в Соединенных Штатах является любимым занятием миллионов людей. Но та же печать упорно замалчивает то обстоятельство, что американский спорт представляет собой один из самых значительных источников получения прибылей путем спекуляции на наиболее разнузданных инстинктах толпы.

Некоторые виды «спорта» в США просто поражают советского человека своей чудовищной и кровавой дикостью, совершенно безжалостным и жестоким отношением не только к животным, но и к людям.

Недавно, например, в штате Южная Каролина был воскрешен один из старинных видов американского «спорта», носящий название «Гус пул». Печать отнеслась к этому факту, как к «особому событию в спортивной жизни страны». Представьте себе: на горизонтальной перекладине, примерно на высоте трех метров от земли, подвешивается головой вниз живой гусь. Шея гуся обильно смазывается машинным маслом. Задача соревнующихся всадников состоит в том, чтобы, проскакав на коне галопом мимо гуся, оторвать на ходу у него шею и голову. В первый день по возобновлении состязаний все четыре наездника, участвовавшие в соревновании, с первого заезда смогли только вывихнуть шею гусю, но голову не оторвали. Лишь во время второго заезда один из наездников сумел осуществить эту «спортивную задачу», правда, схватившись за гусиную шею обеими руками и выбросившись из седла.

Популярным видом «спорта» в США являются так называемые «скачки на выносливость». О том, как протекают эти скачки, можно составить себе представление по следующим деталям: в городе Нампа, штат Айдахо, из 60 наездников, взявших старт, только 11 прибыли к финишу. Они должны были проскакать 85 миль по пересеченной местности. По дороге к финишу шесть наездников загнали своих лошадей насмерть. В штате Уайоминг из 18 лошадей три были загнаны, а несколько навсегда выбыли из строя, после чего их пристрелили.

Большой популярностью пользуются у американцев так называемые «ковбойские родео», устраиваемые во всех западных штатах США. Речь идет о скачках в бешеном темпе и по возможности — с человеческими жертвами.

Целые отрасли спорта в США находятся в руках отдельных гангстеров или целых гангстерских трестов. Известно, например, что такого рода тресты заранее предрешают результаты скаковых состязаний почти во всех штатах. Под страхом смерти жокеи вынуждены точно выполнять приказы своих хозяев-гангстеров, что позволяет последним зарабатывать на тотализаторе до миллиарда долларов в год.

Гангстеры завладели и такой популярнейшей в США областью спорта, как бокс. Даже журнал «Лайф» признает, что свыше одной трети всех американских профессиональных боксеров буквально являются собственностью гангстеров или полностью находятся под их контролем.

Одним из гангстеров, наиболее преуспевающих в области бокса, считается сейчас некий Франки Карбо, известный под кличками Пауль Карбо, он же Франк Тэклер, он же «Джимми-итальянец». По данным «Лайф», за последние 25 лет Карбо арестовывался 11 раз и совсем недавно содержался в тюрьме Синг-синг. Карбо полностью распоряжается несколькими известными боксерами, в том числе Хэдсоном, Уайтом и Джоном Греко. Хозяином главного претендента на звание чемпиона США в легком весе Штольца является также гангстер, некий Гайми Каплан, недавно вышедший в очередной раз из тюрьмы.

Как правило, боксеры находятся в полной кабале у своих хозяев-гангстеров. Львиная доля сбора попадает в карманы антрепренеров, а боксеры довольствуются нищенской зарплатой.

В США на ринге очень часто появляются так называемые «танкеры». «Танкерами» именуют боксеров, назначение которых состоит не в том, чтобы он выигрывал встречи, а в том, чтобы его нещадно и притом как можно дольше избивали. Истекающий кровью, еле держащийся на ногах, теряющий рассудок «танкер» считается главной приманкой встречи и обеспечивает полный сбор.

Так, например, «танкер» Ривьера, боксер легкого веса, раз'езжает с 1937 года по всей Америке. За это время он ни разу не одержал ни одной победы на ринге. Сорок раз он проиграл по очкам и 17 раз был нокаутирован. «Танкер» Джерри Макги за последние три года потерпел поражение 76 раз, в том числе 26 раз был нокаутирован. Только за 1947 год 15 американских боксеров погибли на ринге в результате побоев. Американские спортивные обозреватели, любящие точность в своей статистике, педантично подсчитали, что в США от бокса погибает в 11 раз больше «спортсменов», чем даже в американском футболе (рэгби).

Таковы поистине волчьи нравы, царящие в американском спорте, где человеческие мускулы считаются «товаром» и где обильно пролитая на «спортивной» арене кровь только повышает процент получаемой прибыли.

Т. ГИЛЯРЕВСКАЯ.

М. МЕЛИХОВ

Палестинский узел

I.

Ровно в полночь с 14 на 15 мая 1948 года закончилось действие английского мандата на управление Палестиной, выданного Англии в 1922 году недоброй памяти Лигой наций.

За два часа до окончания срока мандата английский верховный комиссар Палестины генерал Кэннингхэм со своими сотрудниками поспешил оставить раскаленную палестинскую землю и перебраться на английский крейсер, ожидавший его в Хайфском порту.

Двадцатишестилетнее английское управление Палестиной принесло этой древней стране и ее народам разруху, горький дым пожарищ, массовые убийства и, наконец,— войну.

Стремясь кое-как выпутаться из положения, некоторые английские газеты попытались всячески превознести те блага, которыми Англия якобы одарила Палестину. А премьер-министр Эттли прямо заявил, что только история выразит Англии благодарность за все сделанное ею в Палестине.

Несколько иной точки зрения на английские «благодеяния» в Палестине придерживаются проживающие там народы. Так, арабская газета «Эль-Файха» писала в связи с уходом англичан: «...История не похвалит их, а, наоборот, заклеймит за все злодеяния, совершенные ими в Палестине. Мы, арабы, с радостью прощаемся с 30-ю годами гнета, установленного силой штыков и несправедливых законов. Мы с радостью прощаемся с черной эпохой английской инквизиции...»

После окончания второй мировой войны евреи Палестины своей борьбой против английской администрации также дали достойную оценку политике, проводимой Британией в этой древней стране. Они настаивали на эвакуации английских войск и требовали для себя полной свободы и независимости.

II.

29 ноября 1947 года организация Об'единенных наций приняла решение о разделе Палестины на два самостоятельных государства — арабское и еврейское, причем тем же решением предусматривалось тесное экономическое сотрудничество между обоими государствами.

Это было наиболее справедливое решение, отвечавшее интересам народов Палестины, а также интересам поддержания международного мира. Но оно, видимо, не устраивало некоторые империалистические круги за пределами Палестины и их послушную агентуру в странах Ближнего Востока.

Несколько государств и в первую очередь США уже после принятия решения о разделе Палестины внезапно охладели к нему и стали выдвигать новые проекты урегулирования палестинского вопроса. Политическая игра, умышленное затягивание правительством США разрешения палестинского вопроса ясно показывали, что американские империалистические круги пытаются провести новые планы, стремясь навязать Палестине режим, выгодный американским империалистическим кругам и нефтяным трестам. Такого рода маневры и перемены в «политических настроениях» правительства США привели к тому, что империалистические круги, заинтересованные в непрерывном поддержании смуты и беспорядков в Палестине, начали активно готовиться к созданию там постоянного очага интриг, беспокойства и осложнений на Ближнем Востоке.

Именно эта, проводимая Соединенными Штатами Америки тактика умышленного затягивания и всяческого уклонения от действительного решения палестинского вопроса и привела ныне к тому, что на полях Галилеи и холмах Вифлеема льется кровь арабов и евреев.

Нынешние кровавые события в Палестине являются в значительной степени также следствием поведения Великобритании уже после вынесения решения о разделе. Даже такой известный специалист по колониальному угнетению, как бывший министр по делам Индии и Бирмы Эмери, вынужден был признать на страницах «Таймса», что история вряд ли простит «правительство его величества за совершенное им самое большое преступление, состоящее в том, что оно обрушило на массу невинных людей в Палестине — евреев и арабов — все ужасы гражданской войны».

Только Советский Союз проводил и проводит от начала и до конца последовательно твердую политику в палестинском вопросе, разоблачая и срывая всяческие махинации в отношении Палестины.

III.

За несколько часов до окончания действия мандата в еврейской части Палестины, на основании резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 29 ноября 1947 года, Еврейский национальный совет провозгласил создание независимого государства Израиль.

Однако в первые же минуты существования нового государства его гражданам пришлось взяться за оружие. Поощренный длинными дискуссиями в ООН и позицией Великобритании, английский выученик король Трансиордании Абдулла возглавил военную интервенцию шести арабских государств в Палестину.

Трансиорданские, египетские, сирийские и ливанские войска, а также войска Саудовской Аравии и Ирака под общим командованием Абдуллы вторглись в пределы Палестины с севера, востока и юга.

Уже давно не составляет секрета, что король Трансиордании Абдулла лишь выполняет задачу, поставленную перед ним его английскими политическими и военными советниками, то-есть стремится присоединить к Трансиордании всю Палестину.

План аннексии Палестины марионеточным монархом Трансиордании вынашивался английскими разведчиками на Ближнем Востоке долгие годы. Уходя из Палестины, Англия сделала все, чтобы любой ценой добиться сухопутного коридора от Средиземного моря до Персидского залива, который находился бы под управлением блока Ирак—Трансиордания.

Договор 1948 года между Трансиорданией и Англией дает последней все права полного контроля над комплектованием, обучением и вооружением трансиорданской армии, на что англичане тратят ежегодно 2,5 миллиона фунтов стерлингов. В рядах трансиорданской армии в Палестине сражается свыше 40 английских офицеров, занимающих командные посты и возглавляемых небезызвестным английским генералом Глабб-пашой.

В последние дни американские мировые нефтяные компании, связанные многими узами с английскими нефтяными трестами, пытаются координировать политику США в отношении Палестины с политикой английских нефтяных компаний, в надежде удержать и расширить свои позиции на Ближнем Востоке.

Вот почему французская газета «Франтирер» с полным основанием подчеркивает, что в Палестине нет войны между евреями и арабами, а есть вооруженная интервенция, финансируемая международной реакцией.

Развязанная в Палестине война служит и другим целям. Некоторые проанглийски настроенные арабские деятели, всячески раздувая в своих странах военно-шовинистический угар, пытаются под общий шум и воинственные крики подавить репрессиями прогрессивные элементы арабского мира. Следует подчеркнуть, что лишь за последние пять дней число арестованных в Египте, Сирии и Ливане достигло нескольких тысяч человек.

IV.

Первые пять дней боев в Палестине еще не дают оснований говорить о преимуществе той или иной стороны, несмотря на то, что против еврейской армии сражаются армии шести стран.

Египетские войска пока продвигаются по пустынной части Палестины, осаждая одиночные еврейские сельскохозяйственные колонии в районе Негеб. Они заняли районы южной, арабской части Палестины. Войска Сирии и Ливана, пытаясь вторгнуться с севера в глубь территории государства Израиль, ведут тяжелые бои за обладание несколькими пограничными селениями.

В районе озера Тивериад еврейские отряды отражают атаки иракских частей и отрядов трансиорданской армии. В центре Палестины части трансиорданского легиона постепенно занимают арабскую часть Палестины, окружая с северо-востока и юга город Иерусалим. На своем пути они разгромили отдельные еврейские колонии.

Общая численность арабских армий, вторгшихся в Палестину, достигает, видимо, 50—60 тысяч человек. Примерно столько же насчитывает и еврейская армия; все же на стороне арабов такие преимущества, как бóльшая маневренность, наличие более крупных людских резервов и лучшие возможности снабжения. Трансиорданские, иракские и египетские части снабжаются Англией.

Для всего миролюбивого человечества ясно, что война в Палестине должна быть немедленно прекращена.

Представитель Советского Союза Громыко и представитель УССР Тарасенко призвали Совет Безопасности самым быстрым образом принять меры для немедленного прекращения войны в Палестине. Однако представители Англии и Китая, а также поддерживающие их делегаты опять пытаются свести рассмотрение создавшегося положения в Палестине к обсуждению второстепенных вопросов.

Надо полагать, что мировая общественность сумеет своевременно разоблачить непрекращающуюся возню империалистических кругов вокруг палестинской проблемы и заставит их прекратить кровопролитие.

М. МЕНДЕЛЬСОН

Политическая слепота

В нашей стране уделяется большое внимание делу обучения молодежи иностранным языкам. Как известно, языки преподают и в средней школе и в высших учебных заведениях. Создана широкая сеть специальных институтов, готовящих кадры преподавателей иностранных языков. Большими тиражами выпущены учебники для школ и вузов.

Обучение иностранным языкам ведется, конечно, на основе текстов литературно-художественного и общественно-политического характера. Эти материалы, помогая усваивать язык, должны в то же время содействовать воспитанию учащихся в духе советского патриотизма. Необходимо, чтобы такие тексты, в частности, давали правильное представление об условиях жизни в капиталистических странах, а также о литературе Запада. Все это истины бесспорные и элементарные.

Но вот перед нами вышедшая не так давно в свет книга, озаглавленная «Advanced English». Она выпущена Издательством литературы на иностранных языках в качестве учебника для педагогических институтов иностранных языков. Авторы этого учебника — Э. Каар, Г. Уайзер и Л. Тодд.

Литературно-художественные и общественно-политические тексты введены во все разделы учебника. Заключительную часть составляет специальная антология — образцы прозы английских и американских писателей. И тут приходится с удивлением констатировать, что под видом учебных текстов в книгу включены материалы, пропагандирующие реакционную буржуазную идеологию.

В учебнике, например, помещена статья «Франклин—американский Леонардо», перепечатанная из американского журнала. В статье проводится довольно сомнительная идейка о том, что американский просветитель XVIII века Бенджамин Франклин почти ничем не отличался от тех замечательных деятелей эпохи Возрождения, о которых писал Энгельс. Автор статьи стремится создать впечатление, будто Франклин не был человеком буржуазно-ограниченным, напротив, он «титан» по силе мысли, страстности и многосторонности.

Зачем же понадобилось автору извращать и прикрашивать историческую правду? Оказывается, затем, чтобы подсказать читателям мысль, будто главным пороком современных американских капиталистов является их «односторонность», которую, впрочем, как явствует из статьи, они в состоянии преодолеть. Жалуясь на то, что «расширился разрыв между поэтом и деловым человеком, ученым и государственным деятелем, патриотом и гражданином мира», автор статьи восклицает в заключение: «Но разве сегодня «великая эпоха» не требует от нас, чтобы мы поднялись над губительной односторонностью?.. Нам нужны широта взаимопонимания, сила «мысли, страстности и характера,—все то, что находилось под угрозой в течение многих десятилетий равнодушия и эгоизма». Таков этот призыв к американской империалистической буржуазии подняться до уровня... многосторонних людей Возрождения.

Статья «Франклин—американский Леонардо», имеющая целью внушить иллюзорные, ложные представления о характере американского капитализма, была опубликована в американской печати свыше трех лет тому назад. С тех пор маршаллы, форрестолы и бирнсы наглядно продемонстрировали всему миру, что, когда американские «деловые люди» публично берут на себя функции «государственных деятелей» и даже «писателей», они лишь еще более откровенно проявляют свои звериные, империалистические повадки. Тем не менее, реакционной легенде о возможности морального возрождения американских капиталистов предоставлено место в учебнике, предназначенном для советской высшей школы.

В этой книге читатель обнаружит и другие материалы, вызывающие возмущение. В качестве учебных текстов использовано несколько новелл, принадлежащих к культивируемому в буржуазной Америке жанру «литературы ужасов».

Напечатанные в учебнике биографии некоторых английских и американских писателей представляют собой помесь невежества и проповеди буржуазных воззрений.

В очерке о Джеке Лондоне Киплинг назван «великим мастером литературы» и его имя поставлено рядом с именем Льва Толстого в списке великих писателей, которых изучал Джек Лондон. О Горьком, оказавшем немалое влияние на Лондона, авторы даже не упоминают. Далее читателю сообщается, что Лондон «читал Дарвина, Ницше, Спенсера и Маркса. Таким образом (с эпическим спокойствием продолжают составители книги), Лондон изучал жизнь на основе личного опыта, а также при посредстве искусства, науки и философии».

Авторы учебника, видимо, тоже «изучали жизнь» не без помощи Ницше и Спенсера. Во всяком случае они не без сочувствия ссылаются на пресловутый биологический «закон жизни», установленный Джеком Лондоном для человеческого общества. Свое «исследование» о Джеке Лондоне авторы завершают сногсшибательным открытием — оказывается, в 1913 году (чем об'ясняется выбор этой даты, в книге не об'яснено) Джек Лондон был «самым популярным писателем в мире».

Немало нелепостей содержится и в критико-биографическом очерке о Диккенсе. Авторы упоминают о таких произведениях Диккенса, как «Домби и сын» и «Тяжелые времена», а затем приходят к выводу: «Однако, несмотря на блестящее остроумие и искрящийся юмор его книг, сам Диккенс никогда не мог быть вполне счастлив». Тут же следует описание...семейных обстоятельств, мешавших Диккенсу чувствовать себя счастливым. Вполне очевидно, что составители учебника не склонны придавать большого значения социальному содержанию произведений Диккенса. Они не понимают того, что в романах, подобных «Тяжелым временам», нашли воплощение печальные раздумья Диккенса, что книги эти отражают весьма мрачные стороны английской действительности, созерцание которых не могло, конечно, принести писателю радости.

В специальной заметке о творчестве О. Генри он об'явлен создателем нового жанра в литературе. Но примечательно, что критико-биографических очерков о таких крупнейших американских писателях двадцатого века, как Теодор Драйзер и Эптон Синклер, читатель в учебнике не найдет. В заметке о Киплинге сначала говорится, что этот писатель выражал империалистическую идеологию, а затем по его адресу отпускаются всевозможные комплименты.

Учебник не дает правильного представления о жизни в капиталистических странах. Напротив, один из уроков посвящен идиллическому описанию быта студентов в Оксфордском университете. В очерках о Нью-Йорке и Лондоне немало «красот», мешающих читателям узнать правду о тяжелой жизни трудящихся в цитаделях американского и английского капитализма.

Необходимо сказать, что серьезными идейными пороками отмечен не только данный учебник. В «Антологии английской и американской литературы», составленной И. Строганской и опубликованной тиражом в 50.100 экземпляров,—следовательно, предназначенной для весьма широких слоев студенчества, не нашлось места для произведений современных прогрессивных поэтов Англии и Америки. Однако в ней широко представлена мизантропическая поэзия всех времен, внушающая читателю мысль, что жить не стоит и стремиться к чему-либо бессмысленно. В книгу, предназначенную для советского студенчества, включено стихотворение Киплинга «Если» — это наглое воспевание архиреакционной философии империалистических джентльменов. Издательство литературы на иностранных языках за последние несколько лет выпустило и другие пособия, в материалах которых содержатся грубые политические ошибки (учебник Б. Корндорфа, А. Шевалдышева и С. Суворова для вузов).

Только политической близорукостью тех, кто руководит составлением и изданием пособий по изучению иностранных языков, можно об'яснить появление в свет идейно-порочных учебников и пособий. В этом деле должен быть наведен большевистский порядок.

Главный редактор В. ЕРМИЛОВ.
Редакционная коллегия: Н. АТАРОВ, А. БАУЛИН, Б. ГОРБАТОВ, А. КОРНЕЙЧУК, О. КУРГАНОВ, Л. ЛЕОНОВ, А. МАКАРОВ, М. МИТИН, Н. ПОГОДИН, А. ТВАРДОВСКИЙ.

«Литературная газета» выходит два раза в неделю: по средам и субботам.

Адрес редакции и издательства: ул. 25 Октября, 19 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 5-10-40, отделы: литературы и искусства — К 4-76-02, внутренней жизни — К 3-37-34, международной жизни — К 4-64-61, науки и техники и отдел писем — К 4-60-02, информации — К 3-19-30, издательство — К 4-28-63.

Типография имени И. И. Скворцова-Степанова, Москва, Пушкинская площадь, 5.

Б—01741.